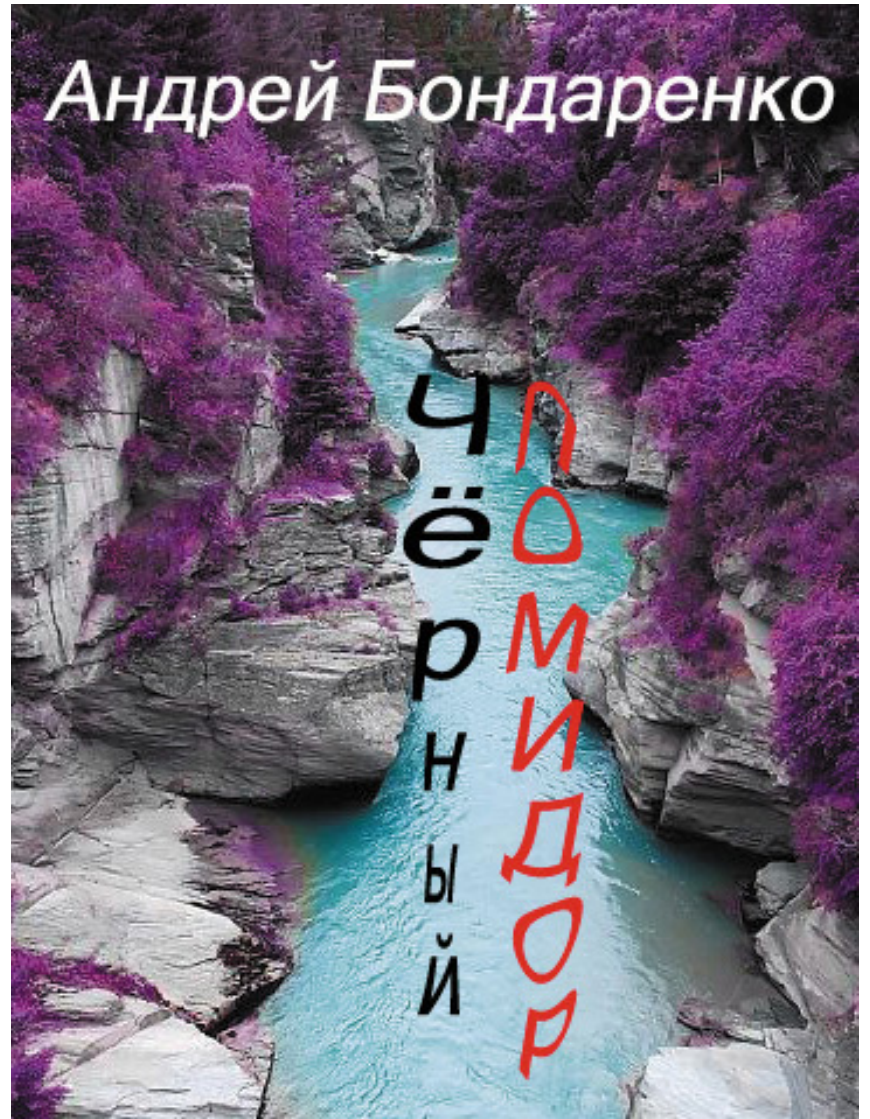

Андрей Бондаренко

Чёрный
Ломидор

Андрей Бондаренко

Чёрный помидор

Серия «Мисти», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9531848
Чёрный помидор / Андрей Бондаренко: Авторское; 2015*

Аннотация

Мистификатор – профессия необычная: изысканная, интересная, трудная, занятая. А если ты являешься – по фактическим результатам – успешным и талантливым мистификатором, то ещё и высокооплачиваемая.

И всё бы ничего, если бы не одна закавыка: во время работы над конкретными заказами приходится – от случая к случаю – сталкиваться с различными сюрпризами. С приятными, гадкими, каверзными, светлыми, тёмными, детективными, неожиданными, откровенно-криминальными. А также и с сюрпризами личного характера...

Содержание

От Автора	4
Миттельшпиль, середина Игры	5
Глава первая	9
Глава вторая	22
Глава третья	38
Глава четвёртая	54
Глава пятая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Андрей Бондаренко

Чёрный помидор

От Автора

Мистификатор – профессия необычная: изысканная, интересная, трудная, занятая. А если ты являешься – по фактическим результатам – успешным и талантливым мистификатором, то ещё и высокооплачиваемая.

И всё бы ничего, если бы не одна заковыка: во время работы над конкретными заказами приходится – от случая к случаю – сталкиваться с различными сюрпризами. С приятными, гадкими, каверзными, светлыми, тёмными, детективными, неожиданными, откровенно-криминальными. А также и с сюрпризами личного характера...

Автор

Миттельшпиль, середина Игры

– Ужин готов, странники, – пристроив на срезе толстого берёзового пня походный котелок и закопчённый чайник, объявила Айлу. – Палыч, несите миски, кружки и ложки. Да и чёрный хлеб с ножиком не забудьте прихватить.

– Разве мы не будем ждать зайсана? – удивилась Анна Петровна.

– Не вижу в этом особого смысла. Общение с ээзи, как известно, дело такое. На это несколько часов может уйти. Вплоть до рассвета. Каша остынет, разогревать придётся. Наверняка, подгорит. Так что, господа путники, будем трапезничать...

Они расселись – вокруг костра – на округлых валунах и активно заработали алюминиевыми ложками. Походная каша, как и полагается, была вкусна, навариста и ароматна.

Никаких облаков (ни ярко-сиреневых, ни бело-серых), больше не наблюдалось, небосвод был девственно чист. Солнце только что скрылось за изломанной линией горизонта, то есть, за покатыми тёмно-зелёными сопками. Западная часть неба была окрашена в приятные тёмно-жёлтые и янтарные тона. Незримо приближалась алтайская ночь.

– Похоже, что оптическая чертовщина продолжается, – позабыв про наваристую кашу, указал ложкой на запад Иван Павлович. – То ли миражи. То ли... Ну, не знаю я, что это та-

кое. Хоть режьте.... Всадник куда-то скачет по небу. Огромный и лохматый.... Мне это кажется? Или он, действительно, скачет?

– Скачет, – подтвердила Айлу. – Изю всех сил. Судя по всему, торопится куда-то.... Всё, усекал. Хм, интересно, а что будет дальше?

На янтарно-жёлтом «небесном экране» (словно на простыне летнего «доперестроечного» кинотеатра), заполошно замелькали тёмные тени-силуэты.

– Вроде, как птицы какие-то летят, – поставив миску с кашей на землю, принялся увлечённо комментировать Писарев. – Целая стая. Похоже, что вороны. Только очень большие. Улетели.... Всадники появились. Двое. В средневековых доспехах и шлемах. Неторопливо едут навстречу друг другу. У обоих за спинами закреплены приметные знамёна. У правого всадника на полотнище выткан – на тёмно-синем фоне – золотой дракон с крыльями. У левого – белый полумесяц и такая же звезда на ярко-красном.... Интересное дело. Так и навеваёт что-то определённо знакомое.... Ага, остановились друг напротив друга. Разговаривают. Руками машут. Спорят. Разъезжаются.... «Конец фильма»? Не знаю, не знаю.... Ух, ты! Похоже, что два полноценных войска съезжаются. Есть и конные воины, и пешие: кольчуги, островерхие шлемы, копья, мечи, луки, знамёна.... Всё, поехали! Битва началась.... Боже, как секутся-то! У-у-у! Вакханалия. Бойня. Армагеддон самый натуральный.... Булат-

ные мечи яростно сверкают, разрывая светло-серые кольчуги на множество отдельных полуколец. Ломаются копья. Чёрные стрелы летают туда-сюда, пробивая тела врагов. Гордые лошади падают, ломая стройные ноги.... Ого! Боевые слоны пожаловали – с погонщиками на спинах. Вламываются в ряды воинов и топчут, топчут, топчут.... Всё, «левые» бойцы дрогнули и отступают. Беспорядочно побежали. Красные знамёна с белыми полумесяцами-звёздами беспорядочно падают на землю, и конские копыта безжалостно втоптывают их в грязь...

«Картинка» на западной части небосклона медленно погасла. Вокруг стало темным-темно – только крохотные точки ночных звёзд и круглая бледно-жёлтая Луна равнодушно висели в чёрном небе. Да походный костерок потрескивал – умиротворённо и успокаивающе.

– Оказывается, мы целый час наблюдали за этой «небесной битвой», – мельком взглянув на наручные часы, сообщила Анна Петровна. – Незабываемое и страшное зрелище.... Палыч, а что это было? С научной точки зрения, я имею в виду?

– Миражи, они разные бывают, – неуверенно поправив на переносице массивные «профессорские» очки, принялся важно излагать Лазаренко. – Бывает, что просто переносят реальную «картинку» на многие и многие десятки-сотни километров. Тут дело такое, если с научной точки зрения.... Миражи – это не что иное, как изошрённая игра световых

лучей. В некоторых местах нашей прекрасной планеты воздух над землёй (или же над водой), прогревается – на разных от неё расстояниях – неравномерно. Бывает даже так, что температура слоя воздуха в десяти-пятнадцати сантиметрах от земли (от воды), на тридцать-сорок градусов меньше, чем температура самой поверхности. В этом случае лучи света – вопреки строгим классическим законам физики – распространяются уже не прямолинейно, то есть, начинают активно преломляться и даже отражаться. А в некоторых случаях воздух у самой поверхности земли (или же воды), «становится зеркалом». Так и «рождаются» миражи. Причём, во всех местах, где в воздухе (благодаря самым различным природным явлениям), возникают резкие перепады температур.... Но есть и более сложные виды миражей. Например, пресловутая «Фата-Моргана», которая, как считается, может «странствовать» через Времена. Здесь, господа и дамы, уже – помимо оптических фокусов – и глобальное магнитное поле нашей планеты замешано. Вернее, различные геомагнитные аномалии...

Глава первая

Футбольная подмена

Диего Лагос провёл в Санкт-Петербурге всего-то три недели, но уже твёрдо решил для себя, что ему здесь определённо нравится: красивая и стильная архитектура, многочисленные величественные мосты, переброшенные через широченную Неву, приветливые и улыбчивые люди. А старые центральные районы Санкт-Петербурга, и вообще, напоминали ему родной Вальпараисо – все крупные припортовые города чем-то неуловимо похожи друг на друга. Да и здешнее раннее лето практически ничем не отличалось от чилийского: частые дожди и отсутствие жары, плюс пятнадцать-двадцать градусов по Цельсию – весьма комфортная и умеренная погода. В отличие от знойной и пыльной Испании, где и плюс сорок – совсем даже не редкость...

Что Диего делал в Испании? Чем занимался? В футбол, конечно же, играл. Причём, в одном из ведущих испанских клубов – восходящая звезда чилийской сборной, как-никак.

Играл, играл, голы забивал, голевые передачи делал и раздавал. А потом, совершенно неожиданно для себя, получил предложение – по переходу в санкт-петербургский клуб «Зенит».

Получить-то получил, даже польщённым себя почувство-

вал, но, тем не менее, крепко-накрепко задумался. Вернее, долго терзался серьёзными сомнениями, мол: – «Как это – переехать в Россию? Там же, как всем известно, льдистые бескрайние снега лежат повсюду. А по пустынным улицам – среди разноцветных всполохов Полярного сияния – бродят вечно-голодные бурые и белые медведи...».

Сомневался, сомневался, а потом согласился.

Почему – согласился? Всё очень просто: большие деньги, как и всегда, были виной-причиной всему. Зарплата, предложенная «Зенитом», почти в три раза превышала испанскую. Совсем даже и не шутка. Серьёзное такое конкурентное преимущество. Да и налоги в России были гораздо ниже.... Как тут устоять? Тем более что в Вальпараисо у Лагоса осталась большая и дружная семья: отец, мать, бабушки-дедушки и восемь братьев-сестёр, которых надо было содержать, кормить и обучать. И это не считая, естественно, многочисленных тётушек, дядюшек, племянников и племянниц. А ещё и особнячок на берегу Тихого океана неплохо было бы приобрести – на всю семью сразу. Матушка об этом давно мечтает. И на безбедную старость (у футболистов, как говорится, век недолог), не мешало бы отложить энную сумму. Или же пару-тройку фешенебельных ресторанчиков прикупить, типа – ради прибыльного и стабильного бизнеса. А ещё лучше – и прикупить, и отложить....

Так Диего и оказался в далёком российском Санкт-Петербурге: подписал щедрый трёхлетний контракт, получил

полугодовую российскую визу, по-быстрому собрал манатки (благо женой или невестой обременён не был), да и прилетел.

Прилетел, поселился в приличной гостинице, познакомился с тренером, тренерским штабом и командой, прошёл серьёзный медосмотр, преступил к регулярным тренировкам. А ещё посетил Почётного Консула Республики Чили в Санкт-Петербурге: заполнил целую кучу анкет-заявлений и сдал – для окончательного оформления – чилийский паспорт, приложив к нему контракт с футбольным клубом «Зенит».

Наступило второе июня, день игры с московским «Спартак»». Долгожданный матч, в котором нападающий Диего Лагос должен был дебютировать (правда, только начиная со второго тайма), в сине-бело-голубой зенитовской форме.

Волновался ли он? Конечно. Да ещё как. Премьерная игра – дело такое: святое, важное, основополагающее, особенное и очень-очень нервное.... Но только сугубо в меру волновался: взрослый уже человек, в конце-то концов, недавно целых двадцать лет исполнилось. Ни хухры-мухры. Да и партнёры по команде неизменно поддерживали – кто на испанском языке, кто на английском, мол: – «Держи, Диего, хвост пистолетом. Поможем, понятное дело. Прикроем...».

Сперва всё шло нормально: он проснулся в восемь тридцать утра, сделал лёгкую зарядку, принял контрастный душ, позавтракал в гостиничном ресторане, поднялся к себе в номер, переоделся и, прихватив кожаную сумку с разной полез-

ной (в спортивно-бытовом плане), мелочью, покинул отель. Уселся на заднее сиденье машины, любезно предоставленной клубом, (сам ещё не решался, толком не зная города, садиться за руль), доехал до загородной базы «Зенита», прошёл положенный медосмотр, немного позанимался «на растяжку» в тренажёрном зале и на полчаса «отдался» в руки опытному массажисту. После этого состоялся обед, а после обеда – рабочее совещание, то есть, так называемая «установка на игру». Мол, кто выходит на поле «в основе», а кто на замену, и прочие тактические штучки: организуем «высокий прессинг» или же неизменно встречаем соперника у своей штрафной, разыгрываем мяч «до верного» или же, наоборот, мочим по воротам соперника при первой же возможности и с любого расстояния, ну, и так далее...

– У вас, ребятки, час свободного времени, – завершив «установку», объявил тренер. – Потом загружаемся в клубный автобус и следуем на стадион. И пусть нам поможет Бог.

А ещё через тридцать пять минут настойчиво и жадно затрещал телефон.

– Лагос слушает, – поднеся к уху тёмно-синий брусок мобильного, известил Диего. – Говорите...

– Привет, футболёр, хе-хе, – залиvisto пророкотал в трубке приметный голос Первого заместителя Почётного Консула Республики Чили в Санкт-Петербурге. – Как дела?

– Нормально, дон Мануэль. Обживаюсь потихоньку. Никаких трудностей не испытываю. Очень дружелюбный город.

И люди.... Вот, на дебютный матч собираюсь. Пожелайте удачи.

– Пожелаю. Но только чуть позже, при личной встрече.

– Простите?

– Через час, парнишка, ты должен быть у меня. Обязательно. Извини, но поменялась форма заявления для предоставления долгосрочной российской визы. А сегодня, как раз, последний день для подачи. Так что, родной, жду. Изволь незамедлительно прибыть.

– Как же так? – опешил Диего. – Мы же совсем скоро выезжаем на стадион...

– Успеешь, – непреклонным голосом заверил Первый заместитель Почётного Консула. – Само заявление уже заполнено, требуется только твоя личная подпись. Садись, не медля, в казённую машину и приезжай ко мне на «девятую» линию. Всё по-быстрому сладим. А от Васильевского острова до стадиона «Петровский» – рукой подать...

Главный тренер, естественно, немного поворчал, мол: – «Так не полагается, команда перед матчем должна быть вместе – ради пущей сплочённости...». Но потом, всё-таки, разрешил. Как же иначе? Долгосрочная виза, как всем известно, дело, безусловно, полезное и – во всех отношениях – нужное...

Подойдя к автомобилю, Диего мысленно засомневался: – «Шофёр какой-то другой: и в плечах, вроде, пошире, и смуглая физиономия украшена аккуратной чёрной бородкой, ко-

торой с утра ещё не было.... К чему бы это?».

– Всё нормально, сеньор Лагос, – белозубо улыбнувшись, заверил на вполне даже сносном испанском языке бородач. – Просто у Владимира жену неожиданно повезли в роддом – на полторы недели раньше запланированного срока. Вот, он и сорвался, попросив подменить. Что тут такого? Совершенно обыденная, на мой взгляд, ситуация. Взаимозаменяемость, она не только на футбольном поле нужна.... Меня, кстати, Иваном зовут. Правда, что и в Чили много – «Иванов»? Ага, я так почему-то и думал. Да вы, сеньор Лагос, залезайте в машину, устраивайтесь.... Куда едем? «Девятая» линия Василевского острова? Не вопрос. Вмиг домчим. Что называется, с ветерком...

Неожиданно Диего почувствовал лёгкий укол в области правой мускулистой ляжки – не очень-то и болезненный, но достаточно неприятный: поморщившись, он осторожно провёл ладонью по бархатистому ворсу сиденья, но ничего подозрительного не нащупал.

– Сиденья в Китае делали, – охотно пояснил шофёр. – Ну, и набили их, в целях экономии, не отсортированным конским волосом. А он, между нами говоря, очень жёсткий. И скручиваться иногда любит. Вот, время от времени, и прокалывает ткань обивки...

Машина тронулась с места, покинула территорию спортивной «зенитовской» базы и, выехав на шоссе, плавно влилась в общий автомобильный поток.

Иван оказался малым без всякой меры разговорчивым: сперва он, практически не делая перерывов, увлечённо делился своими знаниями о странах Латинской Америки, включая историю, географию, политику и основные экономические показатели. А потом, слегка исчерпав тему, поинтересовался:

– Сеньор Лагос, а как в Чили относятся к Президенту США Бараку Обаме?

– Хреново относятся, – брезгливо передёрнул плечами Диего. – У нас всех грингос (так, уж, исторически сложилось), всегда слегка недолюбливали и недолюбливают. И раньше. И сейчас.

– Тогда, может быть, пару свежих анекдотов про Обаму?

– Давай, послушаю.... Вау-у-у! Как же спать хочется...

– Ага, понял. Приступаю. Значится так.... Почему Барак Обама потерял большинство голосов афроамериканцев? А он пообещал создать для них много-много новых рабочих мест.... Почему Обама не шутит над самим собой? Чтобы не прослыть махровым расистом.... Корреспондент обвинил США в расизме. Услышав об этом, Барак Обама пришёл в полное смятение и даже пару раз заглянул в зеркало...

«Его, пожалуй, не остановить», – вяло подумал Диего. – «Всё сыплет и сыплет словами. Всё сыплет и сыплет. Моно-тонно так, морда разговорчивая и красноречивая...».

Подумал и, заразительно зевнув, уснул...

Смотреть матч «Зенит» – «Спартак» они, посоветовавшись, решили в рабочем кабинете Михаила.

Почему не дома? Или, к примеру, не в спортивном баре?

Скажете тоже – дома. Жёны – сварливые. Дети – непоседливые и пристающие. Много ли удовольствия получишь? Мало, ясен пень. Так, лишь маета голимая, чреватая испорченным в хлам настроением.

Спортивный бар? Во-первых, там всегда душно, шумно и накурено (хотя курить и запрещено). А, во-вторых, пришлось бы тащить с собой охранников, что, согласитесь, не совсем удобно – в том плане, что ощущать на себе заинтересованные взгляды посетителей, мол: – «Что это ещё за важные челы, мать их растак, пожаловали?».... Пойти в бар без охраны? Нельзя. Строгие корпоративные инструкции – строго-настрого – запрещают. Если Василич узнает, то греха не оберёшься. В том смысле, что строгие выговоры и лишение полугодовых бонусов (как минимум), обеспечены...

Значит – «важные челы»? Это точно. Анатолий Петрович Вирник являлся исполнительным директором и вице-президентом Совета директоров крупной (ну, очень-очень крупной), многопрофильной строительной корпорации – «СМУ-Сигма». А Михаил Абрамович Михельсон трудился в той же корпорации начальником «Службы безопасности». Действительно, блин горелый, важные. Из серии – важней некуда...

Короче говоря, «кабинетный» просмотр был, по сути, единственным дельным и комфортным вариантом. Впрочем,

жёнам и подчинённым была «вброшена» совсем другая версия, мол: – «Июнь – последний месяц полугодия. Пора уже и об отчётах для мнительного шефа задуматься. Поэтому, понятное дело, засидимся допоздна. В восемнадцать ноль-ноль все свободны. Двери закроем и поставим офис на сигнализацию сами. Охране – бдеть в машинах...».

Матч начинался в восемнадцать тридцать, а его трансляция – как и водится – на пятнадцать минут раньше. В том смысле, что если вычесть пятиминутную навязчивую рекламу, на десять. Естественно, что к этому знаковому моменту всё было готово: телевизор включён на нужной программе, а письменный стол аккуратно застелен «одноразовой» бумажной скатертью, на которой были расставлены многочисленные банки-бутылки с пивом, высокие бокалы и блюдечки-тарелочки с различными нехитрыми закусками. То бишь, с рыбной «магазинной» нарезкой, сырными палочками, вялеными кальмарами, сухариками, чипсами и ореховым ассорти.

– Всё готово, – наполняя пивом бокалы, торжественно объявил Михаил Абрамович (для своих – «Абрамыч»). – Рассаживаемся, напарник. Реклама заканчивается.

– Приступаем, коллега, – плотоядно потирая пухлые ладошки, поддержал его Анатолий Петрович («Майна» – для своих). – Сейчас наши их сделают. В том плане, что вставят...

– Внимание, внимание, внимание! Здравствуйтесь, уважае-

мые товарищи телезрители! – оповестил бодрый голос заслуженного комментатора Геннадия Орлова. – Начинаем трансляцию нашего матча! Команды выходят на поле.... Итак, мы с нетерпением ждали эту игру. С огромным и беспредельным нетерпением. И я, и вы, и многие-многие сотни тысяч любителей футбола по всему Миру. Во-первых, любой матч между «Зенитом» и «Спартак» всегда является принципиальным и неизменно вызывает повышенный интерес. А, во-вторых, сегодня – наконец-таки – состоится долгожданный дебют Диего Лагоса, одного из самых талантливых футболистов мирового футбола. Вы же помните, сколько всяких разговоров, пересудов и слухов ходило вокруг этого весеннего трансфера: одни были в полном восторге, другие же, наоборот, выражали сдержанный пессимизм, мол: – «Молод ещё совсем Диего, да и в испанской лиге отыграл всего-то один сезон...». Вот, сегодня мы и посмотрим, кто же был прав. С огромным удовольствием посмотрим. Правда, судя по полученной эксклюзивной информации, только во втором тайме...

Камера сместилась, и на телевизионном экране возникло смуглое юношеское лицо.

– Действительно, совсем мальчишка, – недоверчиво хмыкнул Майна. – Да и subtilный, на мой взгляд, немного. Мужичьего мяса, что называется, не хватает.

– А ещё и длинноволосый без всякой меры, – поддержал Абрамыч. – Как с такой шикарной шевелюрой можно в фут-

бол играть? А? Волосы же будут обзор закрывать: ни партнёра вовремя не увидишь, ни точный пас не отдашь. Смехота одна. Резинкой бы, что ли, перехватил их, модник хренов.... Ну, ещё по пивку?

– Наливай...

Пиво (немецкое, чешское и австралийское), надо отдать должное, было просто замечательным. Особенно под профильную «пивную» закуску. А, вот, футбол откровенно не задался: «Спартак» сразу же «сел» в глухую-глухую оборону, а нападающие «Зенита» так и не преуспели в позиционном нападении – мало-мальски опасные моменты у спартаковских ворот можно было пересчитать, буквально-таки, на пальцах одной руки. Более того, в самом конце первого тайма спартаковцы неожиданно ожили, встрепенулись и организовали свою первую острую контратаку, которая – по закону подлости – и завершилась голом.

– Чёрт знает, что такое! – возмутился вспыльчивый Абрамыч. – Куда только катится этот неприкаянный и взъерошенный Мир? Бред бредовый и законченный.... Ладно, перекурим пока. Да и отлить не мешало бы...

Начался второй тайм, и на поле – под оптимистические аплодисменты питерских зрителей – вышел Диего Лагос.

– Смотри, как припустил-то, – обрадовался за кадром голос Геннадия Орлова. – Шустрый парнишка. Шустрый, ничего не скажешь.... Ого, мяч в подкате отобрал. Молодчина. Цепкий. И попёр, попёр, попёр.... Ох, ты, какой потрясаю-

щий дриблинг! Обыгрывается «в стеночку» с Кержаковым. Удар.... Гол!

– Гол-л-л! – дружным хором завопили Абрамыч и Майна. – Ай, да Диего! Ай, да сукин сын чилийский! Какой потрясающий «сухой лист» выдал! Оле-оле-оле-оле...

Второй гол Лагос забил головой – в высоченном прыжке – на шестидесятой минуте. А третий уже на последних секундах добавленного времени, шикарным ударом метров с тридцати.

Стадион, буквально-таки, «стоял на ушах» от восторга. Фаеры – дружной и нескончаемой чередой – рвались в вечернее небо. Да и Вирник с Михельсоном, обнимая друг друга, бесновались от души...

Здесь-то и случилось неожиданное.

Юный автор хет-трика, ловко выбравшись из объятий одноклубников, побежал к «фанатской» трибуне. А потом резко остановился, отвесил низкий почтительный поклон, выпрямился, поднёс ладони к голове и уверенными движениями сорвал: правой – длинноволосый парик, левой, наложив пальцы на лоб и нос, некое подобие резиновой маски...

А в это же время – где-то там, на берегу горного безлюдного озера, расположившегося в отрогах дикого Катунского хребта, – разворачивалась суровая и безысходная жизненная драма.

Большой буро-чёрный старый лось, нервно подрагивая нежными ноздрями, с беспокойством оглядывал каменистый берег. К его тёмным бокам испуганно жались, испуганно поводя из стороны в сторону огромными светло-серыми глазами-миндалинами, две совсем еще молоденькие самки.

Животным очень хотелось пить. Очень-очень-очень. Но могучий звериный инстинкт настойчиво предупреждал о близкой опасности. Предупреждать-то предупреждал, но пить-то хотелось...

Сохатый, наконец, решительно отринув прочь все сомнения, двинулся вперёд. Молодые лосихи, стараясь не отставать от своего рогатого повелителя, покорно затрусили следом.

Звери преодолели уже порядка трёхсот пятидесяти метров и стали постепенно забирая вправо, неуклонно приближаясь к вождьленному озеру, когда вокруг них заполошно замелькали-заплясали тёмно-серые зловещие тени.

Около десятка молодых волков неожиданно выскочили – из-за красно-белых валунов – за крупами лосей, навсегда отрезая им спасительный путь назад. Ещё столько же поджарых серых хищников – во главе с крупным горбатым вожаком – появились со стороны озера.

Ловушка захлопнулась...

Глава вторая

Про мистификации и мистификаторов

– И что это такое? – непонимающе выдохнул Майна. – Как прикажете это понимать? Был, понимаешь, длинноволосый брюнет чилийского происхождения.... А это кто такой – с коротким белобрысом «ёжиком» и конопатым рязанским носом-картошкой? А?

– Что ещё за ерунда, мать его нехорошую? – поддержал Вирника голос Геннадия Орлова. – Ничего не понимаю. Ничего, и даже в сто четырнадцать раз меньше.... Это же..., это же Вовка Назаров.... Вовка, последним московским гадам буду! Так его и растак в печень кальмарову, да с тройным перехлёстом.... Извините, конечно, уважаемые телезрители, оно само вырвалось. Как – в своё время – у великого и незабвенного Николая Николаевича Озерова. Погорячился, так сказать. Непременно исправлюсь и отработаю.... Спасибо оператору, что своевременно перевёл камеру на главного тренера «Зенита». Уже лет двадцать пять не наблюдал таких удивлённых и ошарашенных физиономий...

– Мисти, Мисти, Мисти! – заглушая все другие звуки, принялась дружно и слаженно скандировать «фанатская» трибуна. – Молодец! Мисти – молодец! Мо-ло-дец...

Через пару-тройку минут фанаты, наконец-таки, угомонились, а белобрысый «псевдо Лагос», раздавая на ходу воздушные поцелуи, убежал в раздевалку.

– Ну, уважаемые телезрители, вы всё видели сами, – многозначительно вздохнул Геннадий Орлов. – А также и слышали.... Засим – откланиваюсь. Наша трансляция завершена. Ещё раз поздравляю болельщиков «Зенита» с заслуженной победой. Хотя.... Вероятность того, что результат матча будет отменён, очень велика. Состоится ли переигровка? Или же «Зениту» засчитают техническое поражение? Не знаю, честное слово. Не знаю. Даже самому интересно. Как говорят в Одессе – «будем посмотреть». Всех благ. С вами был – Геннадий Орлов...

Футбольная картинка пропала, сменившись назойливой рекламой о безусловной пользе женских гигиенических прокладок.

– А-а-а-а! – дурашливо заблажил нетерпеливый и нервный Майна. – Что это было? Не, я понимаю, что Владимир Назаров – это молодой и перспективный нападающий молодёжного состава «Зенита». Но для чего он загримировался под Диего Лагоса? И где, собственно, сам Лагос? Блин горелый.... А, Абрамыч? Ты начальник «Службы безопасности», или кто? Обязан же всё и про всех знать.

– А я и знаю, – глотнув пивка, невозмутимо хмыкнул Михельсон. – Если и не всё, то очень многое. По крайней мере,

про этот курьёзный случай. В том смысле, что догадываюсь – о сути произошедшего...

– Ну, и? Что это за «мисти» такое, про которое фаны вопили?

– Не «такое», а «такой». Мужик это. Зовут – «Артём Андреевич Павлов». Общеизвестное прозвище – «Мисти».

– Странное какое-то прозвище.

– Обыкновенное, если вдуматься. Уменьшительное от – «Мистификатор».

– Это фамилия такая? – захихикал Майна. – Типа – еврейская насквозь? Родственная – «Михельсону?». Гы-гы-гы...

– Сам дурак, – обиженно отпарировал Абрамыч. – Смешливый какой выискался.... Не фамилия, а профессия. Причём, достаточно почётная и весьма денежная.

– Серьёзно?

– А ты думал. Смешки ему всё.... А Артём Павлов – серьёзный и авторитетный Мистификатор. Да-да, именно так, с «большой» буквы. Потому как заслужил. Мастер своего дела, короче говоря. Я этой тематикой – в своё время – плотно интересовался...

Михельсон, надо заметить, пришёл в строительный бизнес из славных и непогрешимых Рядов. То бишь, вышел в отставку в высоком звании подполковника российской ФСБ. Совсем даже и не шутка. Поэтому и эта его фраза, мол: – «Плотно интересовался в своё время...», прозвучала крайне солидно.

– Да я это так, – засмутился Майна, – от дури избыточной. Извини, дружище. И не обижайся, пожалуйста... Значит, ты в теме? Может, просветишь?

– Пошёл ты – куда подальше. Антисемит законченный и ксенофоб хренов...

– Не выпендривайся, старина. Я же извинился.... Ну, что ты знаешь про все эти мистификации? А ещё...м-м-м, про мистификаторов? Есть ли среди них – известные и знаменитые? Давай, делись информацией. Пиво и закусь к следующему футболу, понятное дело, с меня.

– Хорошо, расскажу, – оттаял Абрамыч. – Слушай, невежа, так и быть.... Мистификация – это намеренная попытка введения множества людей (читателей, зрителей, слушателей), в заблуждение. Считается, что некоторые мистификации задумываются и осуществляются сугубо ради шутки. То бишь, чтобы от Души поржать и всласть повеселиться. Но это, на мой взгляд, полная ерунда. Любая масштабная мистификация (если, конечно, она успешна), всегда связана с приличной финансовой прибылью.... Привожу конкретный и поучительный пример. В 1969-ом году в США был издан «дамский» роман под названием – «Незнакомец пришёл обнажённым». Автором (как значилось на обложке), являлась некая Пенелопа Эш. Так себе книжонка, честно говоря: сплошные розовые сопли и дурацкие душевные терзания, на совесть перемешанные с регулярным и разнообразным сексом. Но американкам «бальзаковского возраста»

роман, тем не менее, пришёлся по вкусу, и его продажи находились на весьма достойном уровне, даже допечатывать – в срочном порядке – пришлось. Более того, одна из читательских «дамских» ассоциаций присудила «Незнакомцу» почётный приз. По этому поводу организовали, как водится, самое натуральное телевизионное ток-шоу. Зрители (вернее, зрительницы), забили конференц-зал до отказа. Было сказано много торжественных и пафосных слов про «отличную книгу, написанную со вкусом и дающую возможность по-новому взглянуть на плотские взаимоотношения между женщинами и мужчинами...». Потом щеголеватый ведущий попросил выйти на сцену миссис Пенелопу Эш. Оркестр заиграл бодрый бравурный марш, но вместо почтенной женщины на сцену поднялось с десятков хмурых, небритых и явно смущённых мужчин среднего возраста. Публика была в шоке.... Как потом выяснилось, всё началось с хмельной шутки. Компания журналистов выпивала в баре и ругала – на чём свет стоит – современную американскую литературу, предназначенную для широких читательских масс. Мол: – «Низкопробное чтиво, воспевающее низменные инстинкты и не менее низменные грязные пороки...». И в какой-то момент репортёр Мак Грейди предложил «накропать» – по-быстрому и совместными коллективными усилиями – «классический гадкий китч» (по его же собственному выражению). Каждый из участников проекта должен был написать одну главу (названия глав и сюжет придумали тут же), доставшуюся ему

по жребью. Были также оговорены два обязательных условия: писать по возможности плохо, корявым языком, и не стесняться с постельными сценами. Уже через полторы недели роман был написан, скомпонован и отправлен в одно из крупных издательств, где его – к огромному удивлению журналистской братии – безоговорочно приняли.... И что ты думаешь – произошло после этого разоблачения?

– Читательницы-покупательницы потребовали вернуть им деньги? – предположил бесхитростный Майна.

– Не угадал, наивный коллега. Не тут-то было. Наоборот, спрос на «Незнакомца» взлетел до самых небес. Издательство ещё три раза переиздавало роман, причём, тиражами, в несколько раз превосходящими стартовый. Так что, шутки – шутками, а бабло – баблом.... Ещё один характерный пример по теме – художник Бэнкси, нынешняя английская знаменитость. Причём, «Бэнкси» – это такое прозвище. А как зовут этого человека на самом деле – никто не знает. По крайней мере, так принято считать.... Рассказываю по порядку. Однажды сонный английский почтальон неторопливо шагал по туманному Лондону – по своим почтальонским делам. Шагал-шагал, а потом случайно повернул голову и увидел в узком проулке-тупичке двух целующихся полицейских. Возмутился, ясен пень, даже решил позвонить в районное полицейское Управление и пожаловаться – на катастрофическое падение нравов. Но, подойдя поближе, хорошенько присмотрелся и понял, что это – просто-напросто

– рисунок на стене дома. То есть, так называемое «граффити». Только очень искусное. Ну, и подпись «Бэнкси» внизу.... Вскоре народ сбежался. Начались восторженные охи и ахи. Корреспонденты и журналисты прибыли. Куда же без них, родимых? Так что, уже на следующий день уличный художник Бэнкси – посредством газетных передовиц – прославился на весь Лондон.... Ну, оно и началось после этого – новые скандальные «граффити» на стенах городских домов появлялись почти каждую неделю. Например, на стене было нарисовано окно на уровне четвёртого этажа, в котором видны целующиеся муж и жена, а за окном, держась руками за подоконник, висит голый любовник. И так всё это было натурально изображено, что случайные прохожие тут же вызвали по телефону полицию и пожарную охрану.... Конечно, зачастую граффити Бэнкси гибнут от непогоды и под кистями трудолюбивых муниципальных маляров. Но многие из этих симпатичных картинок даже охраняются жителями Лондона. В том числе, с помощью нескольких слоёв прозрачного лака и специальных табличек.... Популярные английские и американские издания уже несколько лет старательно «охотятся» за Бэнкси, но без результата. Хитрый проказник ещё ни разу не попался. Такие, вот, пирожки – с яблочным повидлом...

– А где же здесь денежные отношения?

– Есть отношения, не сомневайся, – сооротив многозначительную гримасу, заверил Абрамыч. – В том смысле, что

бабки немереные и серьёзные.... У Бэнкси, понимаешь ли, установлены тайные деловые отношения сразу с несколькими лондонскими галереями, где он и выставляет на продажу свои картины и всякие прочие художественные штучки. Да и с ведущими аукционными Домами наш предприимчивый художник плотно-плотно сотрудничает. А глупый и богатенький народ скупает – за бешеные деньги – все эти, так сказать, произведения искусства. Как же иначе? Мол, загадочная модная знаменитость, так их всех и растак. Например, в 2006-ом году известная певица Кристина Агилера купила работу Бэнкси «Королева Виктория – как лесбиянка» чуть ли не за миллион долларов.... Получается, что всё происходящее – замкнутый круг: чем более загадочен и одновременно популярен уличный граффитист, тем больше можно заработать. И ему самому, и всяким жуликоватым торговцам, и журналистам. Мол: – «За новыми шедеврами от Бэнкси – пожалуйста к нам!».... Кстати, некоторые мистификаторы, увы, сродни обыкновенным мошенникам и жуликам. Пусть и гениальным. Вот, тот же Конрад Куяу.... Значится так. В 1983-ем году немецкий журнал «Stern» опубликовал отрывки из рукописи, которая, как утверждалось, являлась тайным дневником самого Адольфа Гитлера, мол: – «За ближайшие восемнадцать месяцев всё полностью опубликуем. Типа – все шестьдесят две тетради дневника и ещё отдельный блокнот, в котором раскрывается тайна перелёта Рудольфа Гесса в Англию...». При-

чём, сразу же было объявлено, что за эти документы владельцу заплатили десять миллионов немецких марок. Ну, примерно около четырёх с половиной миллионов нынешних Евро. Это, конечно, была самая натуральная сенсация, и тиражи журнала тут же увеличились на триста тысяч экземпляров. Более того, уже через неделю лондонский еженедельник «Sunday times» выкупил у «Stern» права на публикацию «Дневников» в Великобритании и других странах английского Содружества. Да и некоторые другие крупные европейские издания также намеревались опубликовать сенсационные документы. Даже суперавторитетный американский «Newsweek» всерьёз рассматривал возможность публикации.... Через некоторое время состоялась официальная пресс-конференция, на которой Петер Кох, главный редактор журнала «Stern», рассказал, что бесценные документы были найдены в обломках немецкого самолёта, разбившегося в апреле 1945-го года под городом Дрезденом, и долгое время хранились в ГДР, а теперь, мол, тайно перевезены в ФРГ. Последовал вопрос от уважаемого английского историка Дэвида Ирвинга: – «Проводились ли химические исследования чернил, тетрадного клея и бумаги?». Тут-то и выяснилось, что редакция «Stern» – в погоне за «горячей» сенсацией – не удосужилась провести каких-либо научных экспертиз, которые могли бы точно определить подлинный возраст рассматриваемых документов. Бывает, конечно. Опростоволосились.... Правда, Петер Кох утверждал, что почерк

в документах очень-очень-очень похож на почерк Адольфа Гитлера, да и стиль изложения, безусловно, его. Поэтому, мол, и все сомнения абсолютно беспочвенны.... Тем не менее, вскоре Алан Булок, английский биограф Гитлера, обратился к Правительству ФРГ с официальной просьбой – учредить полномочную комиссию для тщательного исследования «Дневников». Комиссию, естественно, учредили, и она – после тщательных и кропотливых исследований – однозначно установила, что «Дневники», всё же, являются лишь подделкой, так как использованные чернила, клей и переплёт из искусственной кожи были произведены уже после Второй мировой войны. Как бы так оно.... После этого, понятное дело, правоохранительные органы ФРГ всерьёз взялись за продавца «Дневников», то есть, за Конрада Куяу. А он, поймавшись немного ради приличия, признался, мол: – «Да, это я всё сделал. Вот этими самыми ручками...». В итоге история, которая обещала стать блистательной журналистской удачей, обернулась пошлой и бесстыжей афёрой. Петер Кох срочно подал в отставку. А Конрада Куяу арестовали, осудили и отправили на четыре с половиной года в тюрьму.... Но история на этом, отнюдь, не закончилась. Нет-нет. Куяу, у которого врачи обнаружили злокачественную опухоль на гортани, вышел из тюрьмы уже через два года, типа – акт милосердия. Вышел и с удивлением осознал, что известен и знаменит. Более того, на него тут же посыпались (в секретном порядке, естественно), серьёзные заказы на подделки

различных документов и картин. Но в тюрьму Конраду больше не хотелось, ну, ни капельки. Подумав немного, он открыл частную коммерческую компанию под громкоговорящим названием – «Галерея подделок». То есть, начал мастерить подделки (в основном, исторических документов и картин Великих мастеров), легально, предусмотрительно украшая каждую из них специальным несмываемым штампом, мол: – «Подлинная подделка, выполненная Конрадом Куяу». И этот «поделочный» бизнес процветал до самой смерти мистера Куяу...

За последующие за этим полчаса Абрамыч рассказал приятелю о знаменитых мистификациях, связанных с поддельными телами инопланетных пришельцев, псевдоисторическими артефактами, литературными и художественными произведениями, феноменальными спортивными достижениями, доказательствами существования снежного человека и древнего водоплавающего чудовища, якобы обитающего в шотландском озере Лох-Несс. Ну, и так далее.

– Значит, и наш Артём Андреевич занимается аналогичным бизнесом? – задумался Майна.

– Занимается. Да ещё как. Даже официально зарегистрировал фирму – «Весёлые происшествия»: всякие там дружеские розыгрыши и шутки, приуроченные к юбилеям богатых людей. Или там бедных людей, но у которых имеются богатые друзья и родственники. О данном виде бизнеса подробно рассказывается в профильной телевизионной программе

под названием – «Розыгрыш».... Только сам Мисти этой деятельностью не занимается. Потому как брезгует. Мол, мелко-вато для него. Считает себя, видите ли, «высокохудожественным Мистификатором международного уровня». Осуществляет общее руководство деятельностью фирмы, и не более того.... Чем занимается лично? Конечно же, штучной работой. Причём, деньги для него здесь насквозь вторичны. Мол, главное – это «высокий эстетический уровень мистификации, а также её повышенная сложность». Задавака и гордец, короче говоря...

– А имеются ли примеры его...м-м-м, успешных «эстетических мистификаций»?

– Да, сколько угодно, – усмехнулся Абрамыч. – Есть такой кинорежиссер по фамилии – «Звягин». Ну, снимает всякое заумно-интеллектуальное кино.... Знаешь такого? Вот-вот, нынче его все-все знают, а, вот, раньше не знали. Не знали и, понятное дело, денег на съёмки фильмов не давали. Совсем. Тут-то и подключился Мисти. В том плане, что каким-то образом заморочил голову прижимистому олигарху Дирипасову, и тот начал спонсировать – в полный рост – молодого и талантливого кинорежиссёра. Теперь-то Звягин уже является общепризнанным мэтром, а также и лауреатом многочисленных международных кино-премий. Поговаривают, что его последний фильм даже «на Оскара» выдвинут.... А эта история про то, как жадный олигарх Зингарон – неожиданно для всех – передал свой шикарный заго-

родный дом под Питером в распоряжение детского дома для сирот с различными физическими и психическими отклонениями? Там тоже Мисти «тёрся». Его рук это дело. Или же, что точнее, мозгов.... Про сегодняшнюю «футбольную подмену». Вовка Назаров уже давно, начиная практически с шестнадцатилетнего возраста, считается «перспективным игроком». Только дальше этого – дело не шло. Так и прозябал Володька в дубле. Да и там, как правило, выходил только на замены. Ну, не доверяют нынешние тренеры «Зенита» отечественной молодёжи, предпочитая им опытных иностранных легионеров. Бывает. А ещё и слухи упорные поползли по городу, что, мол, Назарова хотят отдать в аренду в пермский «Амкар».... Что было делать в такой ситуации? Жалко, ведь, парнишку: свой, питерский.... Ну, фанатские движения «Зенита» (по моему частному мнению), и обратились, предварительно сбросившись денежкой, к Мисти, мол: – «Выручай, дружище. Только на тебя, родимый, вся надежда...». А он и отработал – по полной и расширенной программе. Молодец, одним словом.... Взял ли Мисти деньги? Или же всё сделал бесплатно, типа – за светлую патристическую идею? Трудно сказать. Мисти – чувак со странностями и с собственными шустрými «тараканами» в голове. Неадекватный мужчина, короче говоря. С него, мерзавца гениального, станется – всё, что угодно.... Что теперь будет с юным футболистом Назаровым? Наверняка, дисквалифицируют до конца сезона. Не без этого. Но о дальнейшей карье-

ре Вовке уже можно не беспокоиться – после такого потрясающего хет-трика «спартачам». «Зениту» классные футболисты нужны. Уже никому не отдадут. Тут и спорить-то не о чем.... Э-э, Майна, ты заснул?

– А, что? – неохотно приоткрыл глаза Вирник. – Извини, просто задумался слегка.... Слушай, брателло, может, и нам стоит обратиться к Мисти? Ну, по известному тебе вопросу?

– Хм, блин горелый, – просветлённо прищурился Абрамыч. – Это, безусловно, идея. Можешь, когда захочешь.... Хорошо, завтра же позвоню этому деятелю. Только сперва надо солидными рекомендациями разжиться. Мисти – мужик очень мнительный и крайне осторожный, без крепких рекомендаций даже разговаривать с нами не будет. Ладно, обязательно придумаю что-нибудь. В том смысле, что с помощью хрустящих денежных знаков...

Но волчьей охоте – там, на берегу дикого горного озера, – так и не суждено было состояться: неожиданно со стороны ближайшей покато́й сопки раздались-завучали размеренно-непостоянные стуки-хлопки разной громкости-то-нальности.

Размеренно-непостоянные – это как? Трудно объяснить, честно говоря. Просто их ритм был очень рваным и резким, отдающим – за добрую версту – первобытной дикостью. Так его и растак...

А потом, параллельно с перестуком, послышалось низкое и заунывное горловое пение, наполненное – до самых краёв – неизъяснимой и бесконечной тоской.

Ну, частые удары в шаманский бубен, алтайское горловое пение «кай», неизъяснимая и бесконечная тоска. Что в этом, казалось бы, такого? Подумаешь. Бывает...

Но волки – по непонятной причине – почти сразу же перестали скалить свои жёлто-чёрные зубы, насторожённо замерли и вопросительно уставились на вожака.

Старый горбатый волк больше двух минут напряжённо вслушивался в «шаманскую какофонию», после чего уважительно потряс лобастой головой и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, решительно затрусил прочь от озера. Молодые волки, недоумённо и расстроено повизгивая, последовали за ним.

Лоси, облегчённо вздыхая, продолжили свой путь к озёрному берегу.

Сохатый, опустив разлапистые рога к земле, шагал неторопливо и целенаправленно. А молоденькие светло-палевые самки постоянно оглядывались, с благодарностью всматриваясь своими влажными глазами-миндалинами в сторону сопки.

Ласковое ярко-жёлтое солнце одобрительно щурилось и ободряюще подмигивало, ненавязчиво выглядывая сквозь рваные прорехи в низких светло-серых облаках.

Горловое пение резко оборвалось. Шаманский бубен за-

ТИХ...

Глава третья

Мисти и Кристи

Артём – как и всегда – опаздывал. Что поделать, коль эта неприятная особенность была ему свойственна, начиная с самого юного возраста. Он опаздывал – в хронологическом порядке – в школу, на занятия в театральной студии, на свидания с девушками, в военное училище из «увольнительных», на Службу (отдал несколько лет жизни легендарному российскому ГРУ), а также на важные бизнес-встречи – уже после выхода в отставку в майорском звании – с действующими и потенциальными клиентами...

Нехорошая такая особенность, спора нет. Особенно учитывая его многолетнюю профессиональную деятельность. Рассеянный и не дисциплинированный Мистификатор? Нонсенс какой-то. Ведь, именно вдумчивая и многогранная подготовка, как известно, и является крепким залогом предстоящего успеха любой, даже мало-мальски серьёзной мистификации. Не говоря уже о скрупулёзном и планомерном исполнении всего задуманного...

Чем же Мисти компенсировал эту свою хроническую забывчивость-рассеянность? Во-первых, различными смелыми, безрассудными и талантливыми импровизациями. Во-вторых, потрясающей природной интуицией. В-третьих,

нехилой коммуникабельностью: это в том смысле, что являлся «компанейским парнем» и имел – везде и всюду – немыслимое количество закадычных друзей-приятелей. Из нетленной серии: – «Не имей сто рублей, а имей сто друзей. А ещё лучше – пару-тройку тысяч. Причём, во всех-всех социальных слоях общества. Да и зарубежные дружбаны, ей-ей, не будут лишними...».

Мелодично и настойчиво запиликал тоненький зуммер. Артём, уверенно управляясь с автомобильной баранкой левой рукой, правой достал из кармана летнего светло-бежевого пиджака крохотный тёмно-зелёный мобильный телефон (один из четырёх разноцветных), и поднёс его к уху.

– Ты, Мисти, свин, – известил ехидный женский голосок. – Причём, законченный, гадкий и неисправимый.

– С чего бы это, вдруг?

– С того самого.... Кто мне клятвенно обещал, что больше не будет, находясь за рулём, разговаривать по мобильнику? Я же всё слышу.

– Был неправ, – плавно нажимая подошвой ботинка на педаль тормоза, повинился Артём. – Уже останавливаюсь.

– Не нукай, не запряг, – тут же посуровел женский голос.

– Я знаю. М-м-м...

– Не мычи. Тебе это совершенно не идёт.

– Хорошо, не буду.

– Ладно, верю.... Твоя секретарша сообщила по электронной почте, что ты меня искал.

– Искал, конечно, – смущённо шмыгнул носом Артём. – Ты же, Кристи, номер мобильного сменила.

– Сменила, ясен пень. Как же иначе? Мы же с тобой – в смертельной ссоре.... Не забыл, надеюсь?

– Да, помню я, помню. Теперь-то номер на экранчике высветился. Уже хорошо...

– Чего надо? – нетерпеливо поинтересовалась Кристина. – Говори, пока я добрая.

– Тут такое дело, – обрадованно зачастил Артём. – Пусть завтра твои «топтуны» дежурят в садоводстве «Дружное». Примерно с девяти утра, хотя, могут и пораньше подъехать. В том плане, что сразу несколько крепких мобильных групп. Одна – возле главного въезда. И ещё парочка – где-нибудь внутри садоводческого массива.

– Зачем?

– Вы же хотите взять Бугая с поличным? Типа – на «схроне с наркотой»?

– Не то, что – «хотим». Генерал приказал. В противном случае грозит погони сорвать с плеч.

– Вот и я о том же самом толкую.... Завтра Бугай заскочит в «Дружное» в районе десяти утра. И не просто так – «заскочит», а сразу же направится к дому, где оборудован тайник. Вам, служивые, останется только не спугнуть его. То есть, аккуратно проследить, окружить и «взять тёпленьким».... Только не надо, ради Бога, «вести» его от городской квартиры. Сам доедет до места назначения, не маленький.

И шлагбаум на въезде в «Дружное» – чтобы не случилось – опускать не надо: пусть все желающие выезжают-заезжают. А, вот, мобильный телефон фигуранта и дальше прослушивайте. Лишним, пожалуй, не будет. Ничего хитрого, между нами, девочками, говоря. Благодарностей не надо.

– Надеюсь, никаких...э-э-э, избыточно-криминальных шуток не предвидеться? – женский голос заметно потеплел.

– Не «экай». Тебе это совершенно не идёт.

– Хорошо, учту.... Надеюсь, что всё произойдёт в рамках действующего российского Законодательства?

– Грубых нарушений не будет, – заверил Артём. – Почти. Обещаю.

– Понятное дело.... А сам-то будешь на объекте?

– Конечно. Надо же будет проставить жирную финальную точку.... Ну, что? Прощаемся? До завтра?

– До завтра.... Мисти.

– Я здесь.

– А куда ты сейчас едешь?

– В офис. Бухгалтерша Катерина попросила объявиться, мол, надо срочно подписать какие-то важные официальные бумаги. Правда, уже почти на полтора часа запаздываю.

– Понятно.

– У тебя всё?

– Всё.... Мисти.

– Я здесь, Кристи.

– Спасибо за «футбольный розыгрыш». Классно получилось.

– Я старался. «Зенит», как-никак.

– Теперь точно – всё. До завтра...

Кристина Николаевна Панченко (она же – «Кристи»), являлась любимой девушкой Артёма. Вернее – уже на протяжении шести с половиной лет – его гражданской женой. Уточняю, обожаемой, верной и любящей гражданской женой.

Почему же они до сих пор не оформили свои семейные отношения в официальном, так сказать, порядке? Риторический вопрос. В том плане, что ответа на него не знал никто, включая самих Мисти и Кристи.

– Милый, когда же мы поженимся? – сытой и довольной кошкой мурлыкала (после очередного долгого и успешного секса), Кристина. – Не молчи, пожалуйста. Ответь.

– Когда-нибудь – это точно, – неохотно бурчал Артём. – Куда же я от тебя, такой страстной и заводной, денусь? Поженимся, не вопрос. Только потом. Попозже...

– Когда конкретно?

– Не знаю. Не готов я пока. Дел много.... Впрочем, есть одна перспективная идея.

– Давай, излагай.

– Вот, когда ты меня серьёзно разыграешь, то есть, «замистифицируешь», так сразу же в ЗАГС и пойдём. Сразу же.

Без пошлых споров, всяческих заминок и дурацких отползаний... Договорились?

– Замётано...

Естественно, что Кристи неоднократно пробовала разыграть гражданского супруга.

Например, поздним вечером начинал требовательно и настойчиво трезвонить один из «секретных» мобильных Артёма. Он, естественно, предварительно нажав указательным пальцем на «зелёную трубочку», подносил аппарат к уху и извещал:

– Здесь Мисти.

– Здесь Медведев, – отвечал из мобильного мужественный голос российского Премьер-министра. – Доброго вечера, уважаемый Артём Андреевич.

– И вам, Дмитрий Анатольевич, не хворать, – осторожно и обтекаемо отвечал Артём. – Рад вас слышать.

– У меня, Артём Андреевич, просьба к вам будет.

– Постараюсь быть полезным.

– К сожалению, о таких вещах не принято говорить по телефону, – в голосе собеседника явственно проявлялись загадочные нотки, напоминавшие о существовании такого сурового термина, как – «Государственная тайна». – Не могли бы вы подъехать – на пару дней – к нам в Москву?

– Хорошо, не вопрос. Когда?

– Например, послезавтра утром. Берите билет на скорый поезд, отправляющийся из Санкт-Петербурга в двадцать три

сорок пять, и приезжайте. На перроне вас встретят.

– Договорились.

– До встречи, Артём Андреевич...

Мисти, отключив мобильник, просил:

– Дорогая, посмотри на меня, пожалуйста.

– А? – неохотно отрывалась от прочтения очередного «дамского» романа Кристина. – Что-то случилось?

– Пока, слава Богу, ничего. Просто посмотри мне в глаза.

– Смотрю...

– Ещё смотри. Пристальней, внимательней.... Ага, взгляд-то дрогнул и слегка вильнул. А на губах промелькнула смущённая улыбка.... Значит, очередная попытка розыгрыша?

– Не понимаю, Мисти, о чём ты говоришь...

– Всё-то ты прекрасно понимаешь, красавица. Попытка-попытка. Причём, без всяческих сомнений. Зачем же отрицать – очевидные вещи? Кстати, а что это за мужик говорил голосом Дмитрия Анатольевича?

– Знать не знаю.

– Кристи, колись по-хорошему, – хмурился Артём. – Ты же знаешь, что я – самый ревнивый мужчина на этом Свете. Могу и глупостей наделать.... Итак, кто это был?

– Валерий Пономаренко.

– Один из двух знаменитых братьев-пародистов?

– Ага.

– И что у тебя – с этим пародистом-артистом?

– К сожалению, ничего, – вздыхала Кристина. – В прошлом году Валерий Сергеевич был в Санкт-Петербурге на гастролях, а в гостинице у него украли ноутбук и диктофон. Наш отдел, как и полагается в таких случаях, занимался расследованием. Вора, конечно же, поймали, а украденные вещи вернули хозяину. Валерий был очень рад и, буквально-таки, рассыпался в благодарностях, мол: – «Если будет нужна помощь, то смело обращайтесь...». Вот, я и обратилась. Почему бы, собственно, и нет? Больше ничего, клянусь, не было...

Да, Кристина Николаевна работала в питерской полиции. Вернее, служила – в высоком майорском звании – в ГУВД Санкт-Петербурга. А ещё вернее, возглавляла один из важных и полужасекренных отделов данного ведомства.

Отдел имел очень длинное и слегка запутанное название, поэтому в повседневном обиходе его именовали коротко и неприязнательно – «Шишка», его сотрудников – «шишкарями», ну, а саму Кристину, соответственно, «главной по шишечкам». Юмор такой специфический у нынешних питерских полицейских. Ничего не попишешь...

Причём здесь – «шишки»? А это имелись в виду так называемые «VIP-персоны»: депутаты, чиновники высокого ранга, олигархи всех мастей, крупные бизнесмены и банкиры, иностранные дипломаты, известные спортсмены, артисты и кинорежиссеры. Мол, если с этими важными персонами, вдруг, случалось что-то негативное (ограбления там,

квартирные кражи, а также всякие неприятные автопроисшествия), то на сцену – всегда и неизменно – выходили brave сотрудники «Шишки». Естественно, во главе с симпатичной майоршей Кристиной Панченко.... Или же, к примеру, уважаемый вице-губернатор города пишет заявление. – «По словам двоюродной сестры моей тёщи, за ней установлена слежка. Прошу срочно разобраться с этим вопросом...». Понятное дело, что и эти склочные моменты приходилось тщательно и всерьёз отрабатывать. Никуда не денешься. Служба...

Может, это пикантное обстоятельство и препятствовало заключению официального брака? Жена, мол, стоит-бдит на страже Закона, а муж (мистификации – дело такое), постоянно ходит по грани нарушения этого самого Закона? А частенько (к чему скрывать?), и за означенную грань ненароком заглядывает? Может, и так. Философская субстанция, она дама вредная: до ужаса неверная, всклокоченная и мутная.

Впрочем, иногда Мисти и Кристи приходилось работать (в неофициальном порядке, естественно), совместно. Ну, это когда клиенты одного являлись подопечными-фигурантами другой. И ничего, знаете ли, работали-сотрудничали, даже не смотря на кардинально-разные цели и задачи. Причём, всегда – на удивление – успешно и плодотворно сотрудничали. И, заметьте, без всякой заумной философии. Чисто на высочайшем (пусть и идеологически-разном), профессионализ-

ме...

А ещё они были очень разными. То бишь, отличались друг от друга – комплекциями, характерами и темпераментами – как задумчивые и спокойные антарктические льды от весёлого пламени легкомысленного походного костра.

Кристи (двадцативосьмилетняя блондинка с волнистыми ухоженными волосами до плеч), внешне выглядела девчушкой хрупкой и тщедушной: сорок восемь килограмм веса, метр пятьдесят девять сантиметров роста. При этом, она была очень разумной, целеустремлённой, памятливой, чуть-чуть скрытной, ехидной, язвительной, собранной и – временами – достаточно жёсткой.

Мисти (будучи на двенадцать с половиной лет старше своей гражданской супруги), являлся мужчиной видным и представительным: рост имел под метр девяносто пять, а весил почти центнер. Но только центнер практически без грамма жира – сплошные жилы и мускулы. И постоянно брился на лысо, чтобы внешность – с помощью многочисленных париков – сподручней было изменять. Да и разномастные накладные бороды с усами носил постоянно.... Ещё он был забывчивым, меланхоличным, не в меру мечтательным, разговорчивым (в чём уже успел убедиться талантливый чилийский футболист Диего Лагос), очень общительным и – время от времени – бесшабашно-сумасбродным. А так же славился – в узких и широких кругах – полным отсутствием чувства юмора.

Антиподы, конечно, притягиваются. Спора нет. Но иногда и ссорятся: всерьёз и в дым, даже разъезжаясь по разным квартирам.

Вот и на момент этого повествования они находились в серьёзной ссоре: Кристи уже целых полторы недели жила в родительском доме, наслаждаясь заботой и опекой соскучившейся матушки.

«Она, понятное дело, наслаждается», – ворчал про себя Артём. – «Как же, никаких тебе бытовых забот-хлопот. Мамочка и папочка (генерал-лейтенант ВДВ в отставке, надо заметить), все пылинки сдувают и без усталости выются вокруг обожаемой дочурки.... А я, вот, скучаю. Скучаю и скучаю. Всё скучаю и скучаю. Ночами плохо сплю. И магазинные пельмени с сосисками уже слегка поднадоели. И чистые носки давно закончились. И глаженные рубашки...».

Какое отношение эта ссора имела к событиям, запланированным на утро следующего дня?

Самое прямое. Докладываю.

Две недели тому назад (за несколько дней до означенной ссоры), доблестная питерская полиция проводила плановый рейд по ночным городским клубам – в плане выявления несовершеннолетних лиц, не имеющих права выходить из дома в ночное время без сопровождения родителей, а также запрещённых наркотических средств. Как легко догадаться, и то, и другое было обнаружено. В том числе,

и развесёлая компания малолеток, находившихся под крепким «кайфом». И всё бы ничего, дело-то насквозь обычное – по нашим временам мутным. Вот, только несознательные подростки оказались классическими представителями пресловутой «золотой молодёжи», то бишь, сыновьями и дочерьями отечественной бизнес-политической элиты: депутатов, высокопоставленных чиновников, банкиров и крупных бизнесменов. А в качестве «наркотических веществ» фигурировал высококачественный колумбийский кокаин, а не какая-нибудь там задрипанная анаша.

Разразился грандиозный скандал? До самых небес? Не смешите, право. Просто к разбору этого досадного происшествия подключили «Шिशку» и, собственно, на этом всё. В том смысле, что началась обычная серо-жёлтая и вязкая рутина. По-тихому, естественно, началась. Как и полагается, когда дело касается уважаемых и обеспеченных персон.

Во-первых, были проведены профилактические беседы со случайными свидетелями, работниками конкретного ночного клуба и полицейскими, участвовавшими в данном «виновском» задержании. Грамотные и вдумчивые такие беседы, мол: – «Молчание – золото. А длинный и болтливый язык – злейший враг твой...». Во-вторых, с представителей «золотой молодёжи» были получены (в присутствии ушлых и авторитетных адвокатов, ясен пень), письменные объяснения и заверения – «что такого больше не повторится...». После чего юношей и девушек отпустили на все четыре стороны (даже

с возможным отъездом за границу – на релаксацию и спокойствия ради). В-третьих, генерал-лейтенант Костин, Начальник питерского ГУВД, строго-настрого велел, мол: – «Пресечь – в самые короткие и сжатые сроки – канал поставки в наш город этого мерзкого кокаина. А также и всех прочих «элитарных» наркотиков. Дело-то, братцы мои, насквозь политическое. Беречь нам надо молодые кадры. Беречь, роздыха не зная.... Майор Панченко, специально для вас поясняю. Необходимо найти и взять конкретного дилера. И не просто так – «взять», а с крепкой и бронебойной доказательной базой. Чтоб до конца текущего месяца всё было – «чикитон». Выполнять, моржову мать...».

На конкретного дилера, проводя соответствующие оперативные мероприятия, «шишкари» вышли достаточно быстро: Бугаёв Виктор Петрович, 1984-го года рождения, менеджер по оптовым продажам цитрусовых фруктов и бананов, профильная кличка – «Бугай». Выйти-то вышли, а вот с «крепкой доказательной базой» откровенно не заладилось: затаился осторожный Бугай после досадного происшествия в ночном клубе, на дно, гнида, залёг, образно выражаясь.

Удалось, конечно же, выяснить, что свой «наркотический схрон» Бугай держит в арендованном доме, расположенном в пригородном садоводстве «Дружное». Да толку от этого было – полный и безрадостный ноль. Современные отечественные садоводства – это такие «государства в государстве». Причём, «государства» откровенно-анархи-

ческой направленности. Ну, не присвоили консервативные российские законодатели садоводствам статуса – «населённые пункты и поселения». Поэтому и все отечественные чиновники относились и относятся к садоводствам сугубо наплевательски, мол: – «Эти объекты не входят в сферу нашей ответственности...». Полицейские, пожарники и врачи? Наезжают изредка, не без этого. Но только в экстренных случаях-ситуациях: когда преступление уже совершено, больной умер, а ветхие домишки догорают.... Бардак и бедлам, короче говоря. Какой, уж, тут учёт проживающих «по факту» и наезжающих время от времени, никаких концов не найдёшь. Замучаешься пыль глотать. Тем более что в «Дружном» насчитывалось порядка шести с половиной тысяч садовых участков.... Установить нужный дом всё тем же оперативным путём? Пробовали, понятное дело. Но ничего путного не получилось: то ли тамошние старушки окончательно утратили бдительность, то ли осторожный Бугай наезжал в «Дружное» сугубо в загримированном виде. Да и очень осторожно, честно говоря, пробовали, боясь вспугнуть фигуранта...

Как же в такой ситуации можно было не помочь любимой девушке? Особенно, если находишься с ней в ссоре, но очень хочешь (до повышенного сердцебиения), помириться?

Вот, Мисти, немного пошевелив мозгами, и придумал одну простенькую, но весьма элегантную и действенную ком-

бинацию...

На вершине плоского холма вовсю гулял холодный северо-восточный ветер, наполненный чуть горьковатым дымным привкусом.

Здесь было пусто, голо и неуютно: никаких тебе деревьев и кустарников, лишь только чёрно-серые камни, поросшие – местами – буро-зелёными мхами и жёлто-фиолетовыми лишайниками.

А ещё на вершине, в самом её центре, присутствовал трёхметровый деревянный Идол, вырезанный – в незапамятные Времена – из ствола толстенной алтайской лиственницы. Величественный истукан был вкопан в землю и для пущей надёжности обложен – в несколько плотных рядов – крупными разноцветными валунами.

«Всё в этом призрачном Море – суета и тлен», – пристально вглядываясь деревянными глазами в суровые алтайские дали, несуетливо размышлял Идол. – «Всё-всё-всё. Без единого исключения.... Зачем, спрашивается, спешить куда-то, если, мол, «и это пройдёт»? Незачем, ясен пень.... Всё пройдёт: и печаль, и радость. Всё пройдёт, так устроен Свет.... Ага, людишки двигаются-перемещаются со стороны урочища Кангай. Глупые-глупые-глупые людишки. А ещё и очень-очень беспокойные. Не сидится им, понимаешь, на одном месте. И не лежится. И не стоитя. Всё ищут чего-то. Всё бредут куда-то. Чудаки законченные и неисправимые. Мать

их всех растак...».

Деревянный Идол – думал-размышлял?

Ну, да. А что тут, собственно, такого?

В «сильных» аномальных зонах всякое бывает-случается.

Всякое-всякое-всякое...

Глава четвёртая

Зарево-марево

Из родимого Купчино он стартовал в шесть тридцать утра: загрузил в багажник среднестатистического блёкло-красного «Форда» несколько хозяйственных клетчатых сумок, устроился на водительском сиденье, пристегнул-защёлкнул ремень безопасности и, сладко позевав с минуту, тронулся в путь.

То бишь, выехал по маршруту: Бухарестская – Софийская (с короткой остановкой на лёгкое гримирование), – Кольцевая трасса – съезд в Мурино – Ново-Девяткино – Кузьмилово – Токсово – Ново-токсовский садоводческий массив.

Остановимся более подробно на – «садоводческом массиве», который состоял (да и состоит до сих пор, слава Создателю), из нескольких отдельных садоводств. Они располагаются – друг за другом – вдоль Токсовского шоссе, по левую его сторону – если ехать на север, к Матоксе. А частных участков с домиками в них насчитывается (в суммарном понимании), более тридцати пяти тысяч. Целый садоводческий городок, короче говоря.

Мисти проехал мимо указателей: «Юбилейное», «Восход», «Лазурное», «Озёрное», «Лесное» и «Энергетик». А, не доехав метров двести пятьдесят до таблички – «Друж-

ное», припарковался на обочине.

Припарковался, неторопливо вылез из машины, поднял вверх, предварительно послунявив, указательный палец правой руки и мысленно констатировал: – «Дует вполне даже приличный северный ветер: порядка одиннадцати-двенадцати метров в секунду, а его отдельные порывы, надо полагать, и до пятнадцати дотягивают. И небо всё серо-пасмурно-однообразное. То бишь, то, что старенький очкастый доктор намедни прописал...».

Артём вновь уселся в машину и поехал дальше. Вскоре за левыми автомобильными окошками замелькали непритязательные дома, домики и домишки «Дружного», крайнего садоводства массива. А ещё через три-четыре минуты, когда на смену садоводческим строениям пришло смешанное мелколесье, «Форд» уверенно свернул на левый раздолбанный просёлок, огибавший массив с севера.

Впрочем, уже через полтора километра машина остановилась: дальнейший путь был надёжно преграждён многочисленными кучами и кучками бытового мусора.

– Так называемая «несанкционированная мусорная свалка», так её, сволочь грязную, и растак, – недовольно пробормотал Мисти. – На совесть ребятки постарались, без дураков. Плотно дорогу захламили, до упора. Дальше, блин горелый, не проехать.... Чего здесь только нет: старые разломанные диваны и холодильники, полусгнившие доски и такие же оконные рамы, битый белый и красно-бурый кирпич, много-

численные пустые банки (как консервные, так и из-под лакокрасочных изделий), а ещё бутылки, бутылки, бутылки. Все-го, пожалуй, и не перечислишь.... Кто же тут навалил самые натуральные мусорные горы? Мирные и трудолюбивые российские садоводы? Вряд ли. Это, чтоб мне по субботам никогда в баню не ходить, сообразительные и хитрые работники утилизационных компаний руку приложили. Мол: – «Зачем же везти мусор на специальный полигон, до которого будет порядка шестидесяти пяти километров? Здесь, конечно, вывалим, ради экономии бензина. И дабы прибыль, понятное дело, многократно увеличить...». Российская нелицеприятная действительность, данная нам как в объективных, так и в субъективных ощущениях. А также и в гадко-гнилостных запахах...

Он, достав из багажника бокастые клетчатые сумки (две повесил на плечи, ещё две понёс в руках), тронулся дальше уже пешком. То бишь, размеренно зашагал, брезгливо морща – время от времени – нос и старательно обходя разномастные мусорные кучи-завалы, которым, как казалось, не будет конца.

Примерно через два километра с небольшим «мусорная дорога» упёрлась в длинные полуразвалившиеся строения.

«Почти в каждой внешне поганой жизненной ситуации – при желании – можно отыскать, помимо всего прочего, и положительные моменты», – аккуратно пристраивая клетчатые сумки на ровном осколке тёмно-серой бетонной плиты, по-

думал Артём. – «Взять, к примеру, эти двухкилометровые мусорные завалы. С одной стороны, ясен пень, это просто ужасно. В том плане, что откровенное российское свинство и хамство. Бесстыжее такое, наглое, махровое и крайне аморальное. Зато, с другой стороны, место здесь совершенно безлюдное. Ну, кто, спрашивается, будет – лишний раз – бродить по этой неэстетичной свалке, вдыхая характерное гниlostное амбре? Никто, понятное дело. Из нормальных людей, я имею в виду.... Впрочем, есть и второй краеугольный фактор, способствующий тутошней «безлюдности». То есть, данные скучные развалины. Это, ведь, не что иное, как бывшая районная туберкулёзная больница, закрывшаяся ещё в прошлом веке. А всё, что – так или иначе – связано с туберкулёзом, наш мнительный российский народ отпугивает ничуть не хуже армейских табличек с надписью: – «Осторожно! Мины!». Идеальное местечко, короче говоря...».

В чём заключалась «идеальность» этого несимпатичного «мусорно-туберкулёзного анклава»? Во-первых, в четырёхстах метрах от развалин районной больницы располагались – за стареньким сетчатым забором – первые дома садоводства «Дружное». А, во-вторых, данные полуразвалившиеся строения были размещены севернее садоводства, что, учитывая сильный северный ветер, было просто замечательно...

Мисти принялся методично доставать из клетчатых сумок чёрные и тёмно-зелёные параллелепипеды различных приборов непонятного назначения. Доставал, расставлял, со-

единял проводами, задумчиво чертыхался, тестировал и тихонько напевал под нос:

Она? Клавиш белых – не сосчитать. Она? Клавиш чёрных в помине нет. Лишь морского бриза – печать. Рассвет...

Естественно, что эти немудрёные строки были посвящены Кристи, и Артём, старательно колдуя над своими приборами, немного волновался: ведь от успеха задуманного мероприятия – целиком и полностью – зависела его личная жизнь. По крайней мере, на ближайшее время. Или же, наоборот, её дальнейшее полное отсутствие. Не говоря уже о чистых носках-трусах-рубашках и вкусном домашнем питании...

Наконец, всё было готово: Мисти разместил приборы, соединённые тонкими чёрными проводами, в бесформенной нише, образованной тремя бетонными плитами, сходил к ближайшему мусорному завалу, прихватил из него старые доски, обломки волнистого шифера и обрывки серо-зелёного брезента, вернулся и старательно (но с несколькими узкими прорезами), замаскировал нишу. А после этого упруго зашагал, ловко лавируя между залежами мусора, к автомобилю.

Артём забрался в машину и, мельком взглянув на наручные часы, похвалил сам себя:

– Молодец, братец, всё правильно рассчитал. Без пяти минут девять. Нормальный вариант. Можно начинать.

Он достал из кармана светло-голубой джинсовой куртки маленький пульт управления и перевёл – указательным пальцем – круглый ярко-бордовый тумблер в положение «вкл.», после чего отправил пульт обратно в карман, завёл мотор, развернулся в три приёма и неторопливо покатиł в сторону шоссе...

«Рабочую» машину Кристи (неприметный светло-серый «Шевроле» с самыми обычными номерами), расположившуюся в ста двадцати метрах от полосатого садоводческого шлагбаума, он заметил издали.

Заметил, припарковался рядом и вышел.

Через несколько секунд и Кристина выбралась из «Шевроле».

Выбралась, подошла и, взволнованно округлив тёмно-зелёные глазищи, рассерженно зашипела (то бишь, спросила полушёпотом):

– Мисти, ты окончательно сошёл с ума? Окончательно и бесповоротно? Что творишь-то, добрый молодец? Отвечай, морда наглая и загримированная. Не молчи.

– Ничего такого не творю. Всё в рамках. Честное и благородное слово. Ничего, в смысле, предосудительного и вредоносного. Просто пытаюсь помириться со своей любимой девушкой. Типа – семейный примус усердно починая. И не более того...

– А это – что такое? – нервно махнула рукой Кристи. –

Что это ты там поджжё? Лес, кустарники и сухие торфяные болота? Или же какие-то древние склады со старыми армейскими ватниками, оставшиеся ещё с советских времён? Хочешь, чтобы всё садоводство сгорело дотла?

Северная часть местного небосклона, действительно, смотрелась очень даже солидно и впечатляюще: там стояло, постоянно подрагивая и угрожающе пульсируя, янтарно-малиновое зарево-марево, по краям которого, изысканно заворачиваясь в крутые спирали, к небу поднимались угольно-чёрные дымы.

– Какой ещё пожар? – непонимающе передёрнул плечами Артём. – Ерунду говоришь, красавица блондинистая. Сгущаешь, так сказать, краски. Впрочем, как и всегда. А ещё, понимаешь, майор полиции.

– Что же это такое, а?

– Конечно, самая обыкновенная мистификация. Что же ещё? В том плане, что качественная, талантливая и оптическая.

– Точно? Не врёшь? Мистификация?

– Чтоб мне судебным приставом – где-нибудь в Тамбовской области – всю оставшуюся жизнь проработать.

– Хорошо, верю, – голос «главной по шишечкам» заметно потеплел. – Да, знатную ты кашу заварил – по полной и расширенной программе. Испуганный садоводческий народ так и бегаёт туда-сюда, устали не ведая. Некоторые уже телевизоры, микроволновки и собак-кошек в машины загружа-

ют. А другие диваны и буфеты выносят из домов и к автомобильным багажникам – крепко-накрепко – привязывают. То бишь, готовятся к экстренной и полномасштабной эвакуации. Зарево-то больно солидное. И сильный ветер, как раз, дует с севера...

– Я старался, – скромно потупился Мисти. – В том плане, что поработал на совесть, и даже с толикой обострённой фантазии.... Кстати, а что у нас с фигурантом?

– Всё нормально, как ты, фантазёр и оболтус, предсказывал. Минут двенадцать назад ему на мобильник позвонил здешний старик-сторож и сообщил о пожаре.

– Мол: – «Всё пропало! Всё пропало! Виктор Петрович, кормилец вы наш жемчужный, страшное пламя с севера – вслед за ураганным ветром – валом прёт, через час-другой всё-всё-всё, к нехорошей матери, сгорит. Даже пепла с золой не останется. А-а-а. Срочно приезжайте и спасайте своё барахлишко...». А? Так было?

– Как-то так, догадливый ты мой, – понимающе улыбнулась Кристина. – Только я, в отличие от тебя, не умею так ловко языком трепать.... Значит, хочешь помириться?

– Ага. Очень. Был неправ. Исправлюсь. Отработаю – по мере сил своих скудных. Но с усердием и прилежанием...

– А почему – хочешь?

– Ну, это.... М-м-м...

– Смелее-смелее, гений мистификаций.

– Я люблю тебя, госпожа майорша, – с трудом выдавил из

себя Артём. – И очень скучаю.

– Ого. Ничего себе – заявление.... А как – ты меня любишь?

– Э-э-э...

– Так, собственно, как?

– Как потомственный в сотом поколении алтайский шаман – свой заветный шаманский бубен, доставшийся ему от прапрадеда.

– Отлично сказано, – развеселилась Кристи. – Можешь, когда захочешь, родное сердце.... Кстати, этот угольно-чёрный паричок тебе очень даже идёт. Определённо. И бородака стрёмная, клинышком козлиным.... А с чего это ты, вдруг, заговорил про шаманов?

– Да, снится мне тут один – уже третью ночь подряд. Костька Ворон из урочища Кангай. Снится, понимаешь, и снится. Надоел уже слегка, честно говоря.

– Как же, как же, помню этого дядечку. Серьёзный такой. Заслуженный и очень авторитетный.... А сны...м-м-м, они – цветные?

– Ага. Причём, в завлекательных и неповторимых алтайских интерьерах. В природных интерьерах, я имею в виду.

– Значит, сбудутся.

– Я знаю, – обречённо вздохнул Артём. – Все-все мои цветные сны – рано или поздно – сбываются. Так, вот, получается. Причём, с самого детства.... А ты сможешь взять отпуск?

– Он же у меня на конец октября месяца запланирован. В полном соответствии с план-графиком, утверждённым высшим московским руководством. Не получится, скорее всего.... Не хочешь ехать на Горный Алтай без меня? Потому что любишь?

– Ага. И не хочу. И люблю.

– А почему же тогда не делаешь – предложения руки и сердца?

– Дык, это...

– Что?

– Мы же с тобой договаривались. Мол, когда меня «разведёшь» – тогда. Не раньше.

– О, Господи! – возмутилась Кристина. – Опять – двадцать пять. На колу мочало, начинай сначала...

– Так что, дорогая, помиримся?

– Не знаю, право. Посмотрим, чем завершится сегодняшнее оперативное мероприятие. В зависимости от конечных результатов.... Слушай, а это твоё марево-заревое всё пламенеет и пламенеет. И чёрный дым, который величественно клубится по сторонам, явственно матерееет. Солидно сработано, ничего не скажешь.

– А то...

Они ещё немного поболтали: вроде бы ни о чём конкретном, и – одновременно с этим – обо всём сразу. Любовь – дело такое. Сложное. Ну, как в том знаковом стихотворении:

Любовь, она всегда волнует кровь.
Всегда, когда приходят холода.
Полезна очень – как морковь,
Любовь...

Через некоторое время раздалась приятная мелодичная трель.

Кристина, коротко переговорив с кем-то по нежно-лазорево-му мобильному телефону, (этот цвет просто обалденно и неизменно подходит всем блондинкам), сообщила:

– Бугай уже едет по Токсово. Минут через шесть-семь будет здесь.... Слушай, Мисти, а где же пожарные?

– Скоро притащатся. Вызов из садоводства для них насквозь второстепенен. Практическая диалектика.... Ага, слышишь? Катят...

Вскоре к въезду в «Дружное» прибыли – под отчаянные и громкие завывания сирен – две ярко-красные машины. Подкатили и остановились. Из них выбрались пожарники в широких брезентовых робах и, о чём-то озабоченно переговариваясь между собой, принялись недоверчиво таращиться на огненно-дымное зарево-маревое, угрожающе пульсировавшее на севере.

– Нестандартный случай, – насмешливо фыркнув, прокомментировал Артём. – То бишь, не прописанный в строгих служебных инструкциях. Вот, ребята и сомневаются – в своих дальнейших действиях.... Ага, и чёрный «Мерседес»

фигуранта прибыл: браво объехал машины пожарников и, не притормаживая, проследовал на территорию садоводства. Ваш выход, мадам «главная по шишечкам». Прошу на сцену.

– Я уже отправила «эсэмэску» подчинённым, – небрежно помахала мобильником Кристи. – Отработают – без лишних вопросов и глупых накладок. А я здесь постою, в сторонке. Как авторитетному начальству и положено...

И «шишкари», действительно, отработали: через пятнадцать минут вновь ожил нежно-лазоревого мобильного телефон, и Кристина, выслушав доклад, подытожила:

– Всё, операция завершена. Причём, с нехилым блеском. Бугай задержан. Естественно, вместе с искомым богатым «схроном». То бишь, крепкая доказательная база собрана в должном объёме. Приказ генерала выполнен. Отбой.... Какие у тебя планы, милый?

– Я думал, что мы домой поедem, – неуверенно замямлил Мисти. – Ну, типа... мириться, раз дело выгорело. Некоторые, между прочим, обещали. Только мне ещё надо оборудование забрать с объекта.

– И сколько у тебя на это уйдёт времени?

– Часа за полтора управлюсь.

– Что же, и мне этого времени хватит, чтобы оформить все необходимые документы, – умиротворённо вздохнула Кристина. – Постановление о задержании подозреваемого, Акт изъятия вещдоков, ещё всякого – по мелочам...

– Значит, встречаемся в двенадцать ноль-ноль, на этом са-

мом месте?

– Встречаемся. Уговорил, речистый. Будем мириться. Будем. Раз обещала. Может, даже отгул на завтра у начальства выпрошу. Мол, в честь полной и безоговорочной победы над гадким наркоторговцем, развратителем нашей «золотой молодёжи».

Артём, даже и не пытаясь скрывать широченной радостной улыбки, неуклонно расплзавшейся по его щекастой физиономии, достал из кармана куртки пульт управления и – коротким щелчком – перевёл ярко-бордовый тумблер в положение «выкл.».

Через пять-шесть секунд янтарно-малиновое зарево-марево, висевшее в северной части небосклона, погасло. Только что было, а уже и нету его: только скучные грязно-серые облака неторопливо ползут-перемещаются на юг.

– Гений ты у меня, что ни говори, – восхищённо покрутила головой Кристи. – Талантливый весь такой из себя. И неповторимый. Местами, понятное дело.

– А то...

Он уже заканчивал паковать приборы, разъёмы и провода по клетчатым хозяйственным сумкам, когда зазвучала знаковая мелодия шведского ансамбля «АББА»:

– Мани, мани, мани...

– Хм, деньгами запахло, – запуская правую ладонь в бездонный карман куртки, хищно усмехнулся Артём. – И это,

надо признать, радуется.

Надрывался жёлто-золотистый мобильник, предназначенный сугубо для деловых разговоров с проверенными «действующими» клиентами. Судя по высветившемуся на светло-сером экранчике номеру абонента, беспокоил Рыжий (какие официальные Ф.И.О. были у этого человека Мисти не знал, да и знать не хотел), один из руководителей фан-сообщества питерского «Зенита».

– Привет, Рыжий, – поднёся к уху «денежный» аппарат, поздоровался Артём.

– Здорово, Мисти, – солидно пророкотал в трубке мужественный бас. – Спасибо от пацанов за помощь. Здорово ты Володьку «приподнял». Уважил, что называется, братву...

– Стоп-стоп. Мы же с тобой договаривались – беседовать по этому номеру только о делах. Причём, коротко и сжато.

– Да, помню, помню. Я тебе, собственно, по делу и звоню.

– Так излагай, не стесняйся.

– Тут один хороший человек хочет тебе заказ сделать. Обратился ко мне за рекомендацией.

– Точно – хороший? – въедливо уточнил Артём.

– По крайней мере, лет пять-шесть назад был таковым, – слегка притормозил Рыжий. – Когда мы с ним вместе служили в одной славной Конторе.

– В ФСБ?

– Так точно. Хотя, как я помню, «грушники» к нам всегда относились настороженно...

– Ладно, старина, не ворчи. Проехали... Расскажи-ка чуток про своего протеже. Кто он? Что он? Чем сейчас занимается?

– Михаил Абрамович Михельсон. Возглавляет «Службу безопасности» строительной корпорации «СМУ-Сигма».

– Нормальный вариант, – одобрительно присвистнул Мисти. – Известная компания, на слуху. Значит, денежная.

– Это точно, – понимающе хохотнул Рыжий. – Натуральные лощёные буржуины. Бабки лопатами гребут. И, что характерно, совковыми... Значит, встретишься с Абрамычем? Переговоришь?

– Не вопрос.

– А сегодня сможешь? У них там (Абрамыч с напарником будет), что-то горящее...

– Извини, брат, но сегодня не получится. Никак. Только завтра. В девять вечера. В «Капитанах». За тем столиком, за которым мы с тобой в прошлый раз «тёрли». Пароль-отзыв прежние. И, пожалуйста, без всяких пафосных глупостей. По-тихому всё должно быть. Без автомобильных кортежей и охранников-мордоворотов, я имею в виду. Скромность, она украшает человека. Любого. Хоть богатого, хоть бедного.

– Всё понял. Передам.

– Бывай, Рыжий.

– Покедова, Мисти. «Зенит» – чемпион!

– Без вопросов...

– Горит у них, видите ли, – отключив мобильник, принял-ся незлобиво ворчать Артём. – Сегодня, понимаешь. Хрена лысого вам всем. Дела у меня сегодня образовались. Важные-важные. Важней, просто-напросто, не бывает. А ещё и очень приятные. Очень-очень-очень... И завтра, возможно, они продолжатся. Если, понятное дело, строгое и вредное начальство выпишет моей Кристи отгул...

Пожилой шаман – высокий, плечистый, облачённый в длинный тёмно-бордовый малахай, щедро расшитый разноцветным бисером и украшенный многочисленными разнообразными монетами, – неторопливо брёл по «железному лабиринту».

Что это такое – «железный лабиринт»?

Обыкновенный лабиринт – очень обширный и запутанный.

Впрочем, не совсем обыкновенный, а выстроенный – несколько веков тому назад – исчезнувшим ныне народом «чудь». То бишь, сложенный из разнообразных железных руд, в состав которых входили (и входят), следующие горные минералы: магнитный железняк, красный железняк, бурый железняк и шпатовый железняк.

Итак, пожилой алтайский шаман, опираясь на массивный чёрный посох, неторопливо брёл по «чудскому железному лабиринту» и негромко бормотал под нос:

– Зачастили, что-то, мои друзья «параллельные». Зачастили, однако. Помоги в том. Помоги в этом. Приставучие такие, однако, слов не хватает. Дай, понимаешь, ложку. Да и бочку со сладким мёдом прикатить не забудь, однако. Совсем обнаглели.... Впрочем, однако, помогу. Глядишь, и пригодится когда-нибудь. Мол, долг, как известно, он платежом красен, однако...

Глава пятая

Игра началась

В Купчино (это такой неформальный район Санкт-Петербурга), насчитывалось шесть приметных и общеизвестных достопримечательностей. Первая – бронзовый (вроде бы), памятник храброму солдату Швейку с ярко-начищенным – до зеркального блеска – носом. Мол, если хорошенько потереть пальцами этот самый нос, то денег – обязательно и всенепременно – прибудет. Вот, все, кому только не лень, и тёрли.... Вторая – знаменитый питерский певец и музыкант Билли Новик, который изредка – по старой памяти – наведывался в места, где прошли его детские и юношеские годы. Третья – известный писатель-фантаст Сергей Хрусталёв. Четвёртая – легендарный «мент в законе» Павел Сомов, некогда возглавлявший Фрунзенское РУВД. Пятая – Пашкина жена-красавица Александра Сомова, главный редактор газеты «Новейшие новости». И, наконец, шестая – пивной бар «Два капитана».

Почему, интересуетесь, только шесть? Ведь, по аналогии с «семью чудесами Света», должно быть семь? А их и было – семь. Ровно семь купчинских достопримечательностей. Просто Мисти был плотно-плотно законспирирован и в общенародном признании не нуждался. Ну, ни капельки. Ми-

стификатор – профессия особая, нестандартная и специфичная, чуждая широкой публичности...

Впрочем, вернёмся к пивному бару, в интерьере которого, несмотря на «капитанское» название, ничего морского – ровным счётом – не наблюдалось: стены, наспех обшитые неряшливым бело-красным пластиком, обшарпанные квадратные столики, разномастные убогие стулья, заплёванный грязный пол, мрачные официанты в скучных тёмно-коричневых костюмах. Единственным светлым пятном заведения неизменно выступала телевизионная плазменная панель – полтора метра на метр.

Тогда почему – «Два капитана»? Всё очень просто, обыденно и где-то даже банально. Учредителей у бара было ровно два. Один – до выхода в отставку по плановому сокращению штатов – трудился капитаном в ГРУ. Второй – в капитанском же звании – «тянул лямку» в ФСБ. Ничего хитрого и необычного, если вдуматься...

Но главное заключалось совсем в другом. Кабачок, действительно, являлся заведением, отнюдь, непростым. Спецслужбы и прочие несимпатичные организации – по негласному секретному соглашению – никогда не устанавливали здесь никакого записывающего и подслушивающего оборудования. Более того, «Два капитана» никогда не попадали даже в полицейские сводки и профильные отчёты, будто бы этого бара, и вовсе, не существовало в природе. Совсем не существовало. Никогда...

В «Капитанах» «фээсбешники» – вопреки всем строгим должностным инструкциям, уложениям и правилам – могли свободно общаться с «грушниками». А супер-секретные агенты американского ЦРУ, не ставя о том в известность руководство, болтать – о чём угодно – с коварными и любопытными российскими журналистками.

Артём, загримированный на этот раз в стиле «а-ля среднестатистический украинский гастарбайтер с вислыми запорожскими усами», купил у стойки литровый бокал «Невского» и целлофановый пакетик с вяленой «Золотой рыбой» (спинки и бока у неизвестных рыб, действительно, были ярко-жёлтыми), уселся за самый дальний – от входа – столик и внимательно огляделся по сторонам.

Ничего подозрительного не наблюдалось, в том плане, что атмосфера в зале царила насквозь спокойная и благостная. Да и народу было совсем немного – более половины столиков пустовало.

«И этому есть чёткое объяснение», – с удовольствием отхлебнув из высокого бокала, мысленно прокомментировал Артём. – «Первая летняя декада в Питере – время неуютное, скучное и обманчивое: вода в реках и озёрах ещё толком не прогрелась, а купаться уже хочется. Вот, самые нетерпеливые граждане с гражданками и выходят – в массовом порядке – в июньские отпуска. А после этого и разлетаются, кто куда. Одни – на отечественные черноморские курорты. Другие – в Турцию, Испанию и на Кипр. Третьи – те, кто

побогаче, – на Канары, Багамы и Сейшелы. Там, понятное дело, вволю накупавшись, пиво и пьют.... Пиво, кстати, сегодня отменное: свежее, ароматное и забористое. Впрочем, как и всегда. «Капитаны» – по давней устоявшейся традиции – марку крепко держат. А, как же иначе? Чай, не последнее «пивное» заведение в городе. И в богатой Европе про него знают. Да и в далёком чванливом Вашингтоне. Это Серёга Хрусталёв, морда писательская, в паре авантюрно-приключенческих романов упомянул – пусть и вскользь – о «Капитанах».... Ага, тоненько и мелодично прозвенели крохотные мельхиоровые колокольчики, закреплённые на филёнке входной двери. Знать, новые посетители заглянули на гостеприимный огонёк.... Они? Очень похоже на то. Обоим чуть-чуть за сорок. Одеты, безусловно, богато и со вкусом. Первым идёт мужик типично-славянской внешности: высокий, широкоплечий, белобрысый, нос – характерной «картошкой». Пластиковая непрозрачная папка в руках. А за ним следует щуплый черноволосый тип, чья смуглая физиономия украшена характерным носярой. Следовательно, он у нас и будет – «Абрамыч». Ничего хитрого....».

– Фёдор Иванович? – подойдя к столику, озвучил пароль белобрысый здоровяк.

– Наоборот, Иван Фёдорович, – скупно улыбнувшись, ответил условной фразой Артём. – Здравствуйте, господа. Присаживайтесь.

– Спасибо. И вам – доброго вечера.

– Доброго, – поддержал чернявый. – Э-э-э...

– Что такое?

– Просто...м-м-м, представлял вас – совсем другим.

– И это просто замечательно. Значит, профессиональных навыков я ещё не утратил. И не растерял. Одну минутку, господа...

Артём достал из кармана старомодного клетчатого пиджака маленькую продолговатую коробочку чёрного цвета и перевёл крохотный серебристый тумблер из «центрального» положения в «крайнее левое». Через некоторое время в правом верхнем углу прибора приветливо замигал нежно-изумрудный огонёк.

– Так называемый «индикатор информационной безопасности»? – понимающе закивал головой чернявый. – А зелёная лампочка означает, что нас никто не прослушивает и не записывает? Приходилось уже – в своё время – сталкиваться с аналогичными штуковинами. Только ваш «индикатор», он совершенно незнакомой мне конструкции.... Наверное, новейшая разработка?

– Новейшая и доработанная, последнего седьмого поколения.... А вы, Михаил Абрамович, очень наблюдательны. Что, впрочем, совсем неудивительно для сотрудника ФСБ, пусть и в отставке.

– Нет-нет, – испуганно замахал пухлыми ладошками обладатель классического «еврейского» носяры. – Ошибочка, извините, вышла. Это он – «Абрамыч», – указал пальцем на

своего спутника. – А также и бывший «фээсбэшник».... Я же – Анатолий Петрович Вирник, человек совершенно штатский и мирный: исполнительный директор и вице-президент Совета Директоров ЗАО «СМУ-Сигма».

– Это я – Михельсон, – смущённо шмыгнув «рязанским» носом, признался-повинился белобрысый здоровяк.

– Понятно, – заверил Артём, а после этого опустил ладонь с зажатым в ней «индикатором» в карман пиджака и плавно перевёл серебристый тумблер в «крайнее правое» положение – тут же включился «на запись» диктофон, встроенный в хитрый приборчик.

Вообще-то, Мисти не планировал записывать предстоящую беседу, мол, всё должно быть по-честному, а взаимное доверие и уважение между Заказчиком и Исполнителем – залог предстоящего успеха. Но.... Ну, не мог он терпеть (вследствие повышенной мнительности), таких вопиющих нестыковок: типичный славянин оказался – «Михельсоном», а типичный «Михельсон», вообще, не пойми и кем. Плохая примета, короче говоря. А раз так, то следует ожидать и других подвохов – нет-нет, не от предстоящего разговора, а, так сказать, от всего будущего заказа в целом. Следовательно, нужно было слегка перестраховаться. Так, чисто на всякий пожарный случай. Привычка такая – многолетняя...

– Извините, а как к вам обращаться? – поинтересовался Абрамыч. – Мол, «Иван Фёдорович»? Или же...

– Обращайтесь коротко и непринуждённо – «Мисти». Раз

нас никто не подслушивает и не пишет.

– Странно, что вы, Мисти, обеспокоились «прослушкой». Мне говорили, что в «Капитанах» всякие там «жучки» не приняты. Мол, по старинной негласной договорённости.

– Вам всё правильно сказали: договорённости, действительно, существуют. Но у меня – краеугольные и железобетонные принципы. Первый: – «Бережёного – Бог бережёт». Второй: – «Доверяй, но проверяй». Третий: – «Семь раз отмерь и только потом отрежь». Ну, и так далее. По расширенному списку-перечню.... И вообще, я являюсь человеком очень недоверчивым, весьма подозрительным и крайне мнительным. Тяжёлым, короче говоря.

– Мы, Мисти, обязательно учтём данное обстоятельство, – внешне понимающе и доброжелательно улыбнулся Абрамыч, а после этого, громко сглотнув слюну, заявил: – Что-то у меня в горле пересохло.... Может, промочим?

– Неплохо было бы, – поддержал Вирник. – А бельгийское пиво в «Капитанах» имеется? А австралийское? Что здесь с закусками? Испанский хамон подают? А баварский «пивной» сыр?

– Не стоит шиковать и пижонить. Ни к чему.

– Простите?

– Клиенты этого заведения, в большинстве своём, люди скромные и не богатые, – усмехнулся Артём. – Поэтому и нестандартный «буржуинский» заказ непременно останется в памяти у официанта. Как и наши лица.... Что в этом та-

кого, мол, останутся? Да, собственно, ничего. Просто привычка у меня такая профессиональная – сторожиться везде и всюду, не выделяясь из общей людской массы.... Любезный! – взмахом руки остановил следовавшего по проходу между рядами столов официанта и, подпустив «украинской провинциальности», попросил: – Хлопче, принеси-ка нам трёхлитровую крынку «Невского». И три набора с рыбёхой. Ну, которая «с душком». Швыдче, родной, швыдче...

– Что это...э-э-э, за «наборы с душком? – брезгливо поморщившись, засомневался Абрамыч. – Зачем?

– Потому как – классика: чёрный хлеб с копчёной грудинкой, немного колбасного сыра «косичкой» и подсолённых сухариков, а также скумбрия, порезанная на ломтики. А какая же скумбрия – «без душка»? Нонсенс голимый, и не более того...

Минут через пятнадцать-семнадцать, когда потенциальные заказчики слегка утолили «пивную жажду», Артём попросил:

– Расскажите-ка, уважаемые господа бизнесмены, о своих проблемах. Что привело вас ко мне?

– Ну, это.... Ик! Извините, пиво слегка газированное, – засмутился Абрамыч. – А скумбрия вполне даже и ничего. Вкусная, если с чёрным хлебушком. Сто лет такой не ел. Невольно студенческая молодость вспоминается.... Что нас привело? Ик-к. Извините, ещё раз.... Конечно же, забота о ближних. Как и полагается.

– А можно поподробней?

– Ага, Мисти.... Ик! Простите. Сейчас, только пивка глотну.... У ЗАО «СМУ-Сигма» только один владелец – Сергей Васильевич Писарев. Он же является Президентом Совета Директоров и Генеральным директором компании. Единственным и бессменным. Вот, его Судьба и беспокоит нас с Майной. В том смысле, что его здоровье – главным образом.

– Кто такая – «Майна»?

– Я это, – задумчиво хрустя сухариками, пояснил Вирник. – Прозвище такое, чисто-дружеское. Их нетленной такелажной серии: – «Ви́ра, майна, стоп помалу...». Юмористы доморощенные, короче говоря.... Да, не всё хорошо с нашим Василичем...

– Неудачи в бизнесе?

– Нет, бизнес, наоборот, неуклонно и планомерно процветает. Даже расширяется и, так сказать, матереет.

– Личная жизнь не клеится?

– И тут всё нормально. Вроде бы.... По крайней мере, восемь лет тому назад Василич женился (всего-то в третий раз), и с супругой живёт, как говорят, Душа в Душу.

– В чём же тогда дело? – нетерпеливо нахмурился Артём. – Переходите, господа, к сути.

– К сути, так к сути, – длинно вздохнул Абрамыч. – Не бережёт себя Василич. Совсем – не бережёт. Пашет, как проклятый, часов по пятнадцать в сутки. Минимум – по пятнадцать, имеется в виду. Первым приходит в офис, послед-

ним уходит. И по субботам работает, иногда и по воскресеньям.... Взять последние «новогодние праздники». Народ отдыхал с первого по двенадцатое января: кто-то водку пьянствовать изволил, кто-то на зарубежных курортах бледное брюхо грел. Всё, как и полагается. А шеф, судя по «магнитной фиксации» на входе, в офис через день наведывался.... Да он уже лет пять, как в отпуске не был. Представляете, Мисти? Целых пять лет! С ума можно сойти.... Естественно, что такой бешеный график не мог не сказаться. Исхудал наш Василич – все костюмы болтаются, как на вешалке. И лицо сделалось землистого цвета. Землистого-землистого. А ещё он стал ужасно нервным, невыдержанным и желчным: орёт на подчинённых по любому поводу. А иногда и без оного. Кошмар полный и законченный, короче говоря...

– А ещё совсем недавно у Сергея Васильевича приключился сердечный приступ, – глотнув пивка, дополнил чернявый Майна. – Встал из кресла во время рабочего совещания, чтобы наорать на главного инженера проекта, пошатнулся да и упал – лицом прямо на письменный стол. Даже кровь потекла из носа. И глаза закатились.... Приехала «Скорая», фельдшер сделал несколько уколов, доктор выписал «временный рецепт»...

– Доктор был пожилым? – уточнил Артём. – В старомодных очочках и с седенькой бородкой клинышком?

– Н-нет. Наоборот, молодой и безбородый.

– Жаль.

– Почему? Что, собственно, Мисти, вы имеете в виду?

– Не обращайтесь внимания, Анатолий Петрович. Это я так, о своём, мысли вслух. Продолжайте, пожалуйста.

– Ага, продолжаю, – непонимающе поморщился Майна. – Значит, доктор выписал «временный рецепт» и направление на комплексное профильное обследование – в известную кардиологическую клинику. А также настоятельно посоветовал Василичу – кардинально поменять образ жизни. В частности, незамедлительно взять отпуск и хорошенько отдохнуть: например, где-нибудь на первозданной природе, в безлюдном месте, в тишине и покое.... Угадаете – что было дальше?

– Направление в клинику было тупо проигнорировано? А идея с отпуском решительно отвергнута? Причём, в грубой форме?

– В наигрубейшей, чего уж там.... Таблетки, прописанные доктором, Василич исправно глотает, но не более того. Об обследовании и отпуске даже речи не идёт. Короче говоря, всё осталось по-старому. И даже стало ещё хуже – сплошные начальственные придирки, головомойки, скандалы и взыскания.

– Следовательно, вы хотите, чтобы я уговорил вашего шефа взяться за ум и отправиться в отпуск? – пессимистично хмыкнул Артём. – Мол, вся ваша славная строительная корпорация только об этом и грезит?

– К сожалению, это невозможно, – отрицательно помотал

головой Абрамыч. – В том плане, что уговорить. Упрямый он очень, наш Василич. Вернее, упёртый – до полной и нескончаемой невозможности. Чем дольше его уговаривают, тем сильнее он упирается – особенность психики такая. . . . Почему, Мисти, вы улыбаетесь?

– Люблю упрямых. Сам беспредельно упрям. Даже готов поучаствовать в чемпионате Мира по упрямству, если, конечно, такой чемпионат – когда-либо – будет проводиться. . . . Значит, я должен сделать так, чтобы Сергей Васильевич сам решил, что ему необходимо взять отпуск и отправиться в провинциальную глухомань?

– Это только первая часть. . . э-э-э, проблемы. Василич не только должен поехать на отдых, но и по-настоящему отдохнуть. По-настоящему. Без всяких вариантов и не менее двух недель. . . . Понимаете?

– Стараюсь. . . . Мол, возможна следующая ситуация: господин Писарев прибывает на место отдыха, но уже через сутки другие, заскучав, уезжает-улетает обратно? И вас, ребятки, такой расклад не устраивает?

– Совершенно не устраивает, – подтвердил Майна. – Прилетит обратно расстроенный и шкуру – по данному поводу – со всех сдерёт. Какой в этом прок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.